

Еженедѣльный журналъ № 12-й. 17-го марта 1911 года.

Часть официальная.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ВІАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Перемѣны по службѣ:

8 марта, бывшій воспитанникъ духовной семинаріи Стефанъ *Гутовскій* назначень псаломщикомъ въ с. Башуки, Кременецкаго уѣзда.

9 марта, псаломщикъ с. Буды-Воробіевской, Овручскаго уѣзда, Михаилъ *Палецкій* переведень въ с. Орѣшковцы, Кременецкаго уѣзда.

9 марта, окончившій курсъ Бѣлзорской второклассной школы, Кременецкаго уѣзда, Сте-

фанъ *Марчукъ* назначень псаломщикомъ въ с. Васьковичи, Овручскаго уѣзда.

14 марта, священники с. Волицы-Керекешинной, Староконстантиновскаго уѣзда, Владиміръ *Струменскій* и с. Поповець, того же уѣзда, Ана-толій *Съницькій* перемѣнены одинъ на мѣсто другого.

Вакантныя мѣста.

а) священническія:

Въ с. Жджарахъ, Владиміровольнскаго уѣзда; жалованья священнику 300 р. въ годъ; земли при церкви 35 десят. 225 саж; прихожанъ 767 душъ; помѣщеніе есть.

б) псаломщическія:

Въ с. Пашинахъ, Овручскаго уѣзда; жалованья псаломщику 50 руб. въ годъ; земли при

церкви 33 десят. 800 саж.; прихожанъ 2625 душъ; помѣщеніе есть.

Въ м. Бѣлозоргѣ, Кременецкаго уѣзда; мѣсто 2-го псаломщика (не штатное).

Въ с. Будѣ-Воробіевской, Овручскаго уѣзда; жалованья псаломщику 50 руб. въ годъ; земли при церкви 32 десят. 600 саж.; прихожанъ 1354 души; помѣщеніе новое.

Отъ Волынской Духовной Консистеріи.

Духовная Консистерія симъ объявляетъ, что Волынскимъ Епархіальнымъ Начальствомъ выданы книги для сбора добротныхъ пожертвованій въ предѣлахъ Волынской епархіи на постройку и ремонтъ приходскихъ церквей, срокомъ на одинъ годъ.

1) на имя крестьянъ села Мосура, Владиміровольскаго уѣзда, Павла Лешука, Павла Киричука и Николая Сачука,—за № 5744.

2) на имя крестьянъ деревни Яновки, Пляшевскаго прихода, Дубенскаго уѣзда, Ивана Николаева Салійчука и Андрея Григорьева Зубовскаго,—за № 5935.

3) на имя крестьянъ деревни Новоселицы, Сквородецкаго прихода, Староконстантиновскаго уѣзда, Никиты Теодорова Яцюка и Ивана Самуилова Яцюка,—за № 6449.

4) на имя крестьянъ с. Бѣлева Емеліана Андрейчука, Якова Довгалюка и дер. Кондратки, Изяславльскаго уѣзда, Тихона Тшпорчука и Луки Марчука,—за № 6781.

Отъ Канцеляріи Епархіальнаго Архіерея.

1. Въ виду того, что нѣкоторые ставленники во діакона и священники, рукоположенные въ Почаевской Лаврѣ и при архіерейскихъ служеніяхъ въ сельскихъ приходахъ, не получили установленныхъ ставленныхъ грамотъ, Канцелярія Архіерея проситъ таковыхъ немедленно донести объ этомъ Канцеляріи, съ прописаніемъ какимъ Преосвященнымъ, гдѣ, когда они рукоположены и кто ихъ исповѣдывалъ и приводилъ къ присягѣ предъ рукоположеніемъ.

2. Вслѣдствіе являющейся нужды въ запасныхъ священникахъ для несенія пастырскихъ

обязанностей въ приходахъ, остающихся безъ настоятелей за болѣзною таковыхъ или по другимъ причинамъ, Канцелярія Архіерея обращается къ заштатнымъ священникамъ волынской епархіи съ просьбою сообщить ей: не пожелаетъ ли кто изъ заштатныхъ священниковъ, чувствующихъ себя способнымъ нести означенныя обязанности, принять на себя временное завѣдываніе таковыми приходами, за особое вознагражденіе.

Отъ Епархіальнаго Попечительства.

По постановленіямъ Епархіальнаго Попечительства, состоявшимся 8 февраля с. г. съ соизволенія Его Преосвященства, утверждены къ исполненію расписанія о бѣдныхъ духовнаго вѣдомства, составленныя на предметъ выдачи изъ суммъ мѣстныхъ окружныхъ попечительствъ пособій: 1) за 2-ю половину 1910 года, безъ воспособленія со стороны Епархіальнаго Попечительства, по 2-му окр. Староконстантиновскаго уѣзда, слѣдующимъ лицамъ: священническимъ сиротамъ Василиссѣ Пекарской 7 руб., Варварѣ Лехницкой 8 руб., Кикиліи Букоемской 6 руб. и псаломщическимъ сиротамъ Зиновіи и Софіи Волковскимъ 8 руб.; 2), за 2-ю половину 1910 года, при воспособленіи восьми руб. 65 коп. со стороны Епархіальнаго Попечительства, по Гор. окр. Дубенскаго уѣзда слѣдующимъ лицамъ: священническимъ вдовамъ Юліи Теодоровичъ 5 руб., Евгениі Кучинской 6 руб., Аннѣ Мержвинской 4 руб., Татіанѣ Подчашинской 5 руб., Асклипадѣ Корженевской 9 р.; псаломщическимъ вдовамъ Маріи Радковской 3 р., Аполинаріи Гриневицъ 3 руб., Анастасіи Шидловской 4 руб., Олимпіадѣ Оленицкой 5 руб. и священническому сыну Стратонику Кучинскому 5 р.; 3) за 2-ю половину 1910 года, при воспособленіи со стороны Епархіальнаго Попечительства 3 руб. 40 коп., по 6-му окр. Изяславльскаго у., слѣдующимъ лицамъ: священническимъ вдовамъ—Юліи Левицкой 4 руб., Александрѣ Малевичъ 15 руб., Фаинѣ Пекарской 4 руб., Аннѣ Данькевичъ 4 р., священническимъ сиротамъ Александрѣ Демчинской 4 руб., Іуліаніи Кресовичъ 4 руб., Екатеринѣ Лукаевичъ 4 руб., заштатному псаломщику Михаилу Соражкевичу 6 руб., псаломщическимъ вдовамъ—Іуліаніи Мартышевской 5 руб., Александрѣ Вакуловичъ 5 руб., Стефанидѣ Стеблецкой 4 руб.; пономарскимъ вдовамъ Маріи Коротинской 5 руб., Елисаветѣ Червинской 4 р., Еленѣ Божкевичъ 4 руб. и заштатному діакону Амвросію Левицкому 6 рублей.

По постановленіямъ Епархіальнаго Попечительства, состоявшимся 22—23 февраля с. г., съ

соизволенія Его Высокопреосвященства, утвержденны къ исполненію росписанія о бѣдныхъ духовнаго вѣдомства, составленнаго на предметъ выдачи изъ суммъ мѣстныхъ окружныхъ попечительствъ пособій: 1) за 2-ю половину 1910 года, при воспособленіи 9 р. 50 коп., со стороны Епархіального Попечительства, по гор. окр. Овручскаго уѣзда слѣдующимъ лицамъ: священнической вдовѣ—Юліи Буткевичъ 8 руб.; діаконскимъ вдовамъ—Иринѣ Юркевичъ 7 р., Екатеринѣ Плюховской 5 руб.; псаломщическимъ вдовамъ—Аннѣ Теодоровичъ 5 р., Александрѣ Комаревичъ 5 руб., Домникии Комаревичъ 8 руб. и Ольгѣ Гречинѣ 5 руб.; 2) за 1-ю половину 1911 года, при воспособленіи 7 руб., со стороны Епархіального Попечительства, по 3-му окр. Овручскаго уѣзда слѣдующимъ лицамъ: священническимъ вдовамъ—Елисаветѣ Теодоровичъ 5 руб., Ольгѣ Гардасевичъ 5 руб.; священническимъ сиротамъ—Антонинѣ Янчинской 5 р., Февроніи Саковичъ 5 р., Александрѣ Саковичъ 5 руб., Александрѣ Страшкевичъ 5 руб.; просфорнямъ Іуліаніи Голубовичъ 5 руб., Анисіи Литвиновичъ 5 руб., Іустинѣ Переверзевой 5 руб., Маріи Бояковской 5 руб. и псаломщической вдовѣ—Даріи Гречинѣ 7 р. 40 коп.

О смерти священника и діакона.

12 января 1911 года скончался отъ сыпного тифа псаломщикъ Житомирскаго Каѳедрального собора діаконъ Симеонъ Бондарчукъ. Послѣ него осталась вдова Хіонія Бондарчукъ. 5 копеечный сборъ на осиротѣлыя семейства въ теченіи 1910 года почившій внесъ.

16-го января 1911 года умеръ отъ саркомы, на пятидесятомъ году жизни священникъ м. Нов. Ратно, Ковельскаго у., Калистратъ Миляшкевичъ, оставивъ послѣ себя жену-вдову и трое дѣтей, изъ коихъ двѣ дочери не пристроены, обучаются въ учебныхъ заведеніяхъ, а сынъ съ прошедшаго года состоитъ на службѣ въ Русско-Китайскомъ банкѣ. Покойный священникъ Калистратъ Миляшкевичъ 25 коп. взносы въ пользу осиротѣлыхъ семействъ вносилъ аккуратно.

Часть неофициальная.

Архипастырское воззваніе

ко всеѣмъ православнымъ жителямъ Житомира.

Въ эти святые дни Великаго Поста, когда христіане очищаютъ души свои покаяніемъ и причащеніемъ тѣла и крови Господней, радуются на небѣ Божіи Ангелы, а на землѣ Христовы служители—церковные пастыри. Печалются же Ангелы Божіи о тѣхъ, кто пренебрегаетъ общеніемъ со Христомъ и скорбятъ о нихъ церковные пастыри. Къ нимъ относится теперь слово Господне: „какъ вамъ кажется? Если-бы у кого было сто овецъ и одна изъ нихъ заблудилась, то не оставитъ ли онъ девяносто девять въ горахъ и не пойдетъ-ли искать заблудившуюся“ (Мѣ, 18, 12).

Внимая сему слову Господню, радъ-бы я былъ самъ обойти всеѣ ваши жилища и звать васъ подобно тому слугѣ Господина на Его вечерю и говорить всякому: „идите ибо уже все готово“ (Матѣ, 14, 17).

Все готово! Святые храмы открыты. Ежедневно возносится въ нихъ покаянная молитва; совершается священная исповѣдь грѣховъ; за сокрушенное покаяніе объявляется прощеніе отъ Господа священниками, коимъ сказалъ Господь: „примите Духа Святого; кому простите грѣхи, тому простятся, на комъ оставите, на томъ останутся“ (Іоан. 20, 22, 23).

Все готово: „Господня трапеза исполнена, да насытятся вси, Телець упитенный, никто-же да изыдетъ алчай; вси насладитесь пира вѣры, вси воспримите богатство благодати“, какъ говорилъ св. Іоаннъ Златоустый о причащеніи святыхъ тайнъ.

Таковъ призывъ Господень. Но не всеѣ идутъ на него: слышно, что есть въ нашемъ городѣ, особенно въ пригородныхъ хуторахъ, такіе нерадивые христіане, которые уже по нѣскольку лѣтъ пренебрегаютъ Господней трапезой и никогда не приходятъ молиться на святую литургію; ни разу не были они и въ соборной пещерной церкви, не прикладывались къ святымъ мощамъ Анастасіи Римляницы; дѣтей своихъ не учатъ молитвамъ и не посылаютъ во св. храмъ,—словомъ дичають, отдѣляются отъ св. вѣры и живутъ въ ожесточеніи сердца, какъ одичалыя, заброшенныя кошки, которыя злобно разбѣгаются, когда хозяева стараются лаской приманить ихъ къ себѣ и подкладываютъ имъ пищу. Но та пи-

ща тлѣнная, а Господь сказалъ: „старайтесь не о пищу тлѣнную, но о пищу, пребывающей въ жизнь вѣчную, которую дастъ вамъ Сынъ Человѣческой (Іоан. 6, 27).

Посему никто не оправдывай своего нерадѣнія ни бѣдностью, ни отдаленностью отъ храма, ни недосугомъ отъ работъ. Работа для жизни земной, а для смертнаго часа что она тебѣ дастъ? Чѣмъ тогда тебя утѣшатъ тѣ безсовѣстные люди, которые отвращаютъ тебя отъ церкви и отъ святыхъ таинствъ и говорятъ, что съ этого богатъ не будешь?—Ты работаешь для чрева и для одежды 6 дней въ седмицу; поработай хоть одинъ день для души. „Душа не больше ли пищи?“—спрашиваетъ тебя Господь (Матѳ. 6, 25). Смотри: добрые христіане проходятъ пѣшкомъ по сто верстъ и болѣе для говѣнія у святыхъ церковныхъ, а ты лѣнишься пройти нѣсколько верстъ, чтобы пріять Самого Христа во святомъ причащеніи и разрѣшиться отъ духовныхъ недуговъ своихъ, т. е. отъ грѣховъ, чрезъ таинство покаянія.

Не говори: „успѣю покаяться въ старости“. Слушай, что сказалъ о таковыхъ св. Кириллъ Александрійскій въ своемъ словѣ о исходѣ души и о второмъ пришествіи, которое печатается въ Слѣдованной Псалтыри и читалось въ нашемъ соборѣ въ прощенный день: „Глаголющии—въ юности согрѣшимъ и въ старости покаемся, —отъ демоновъ поругаются и прельщаются; яко волею согрѣшающе, покаянія не сподобятся, но въ юности отъ смертнаго серпа пожинаются“; и далѣе: „иже церкви и причастія себе удалиша, врази Божіи бываютъ и демоновъ друзи“. Смотрите же, христіане, Кого отрицаются удаляющіеся отъ службъ церковныхъ и съ кѣмъ сближаются? удаляются отъ Господа и сближаются съ бѣсами. И не одинъ святой Кириллъ такъ учитъ, но вся Христова Церковь или вѣрнѣе, самъ Святой Духъ, Который на шестомъ Вселенскомъ Соборѣ изрекъ: „аще кто пребывая въ градѣ въ три воскресные дни въ продолженіи трехъ седмицъ не прійдетъ въ церковное собраніе, то клирикъ да будетъ изверженъ изъ клира, а мірянинъ да будетъ удаленъ отъ общенія“, т. е. преданъ анаемѣ. Если такъ строго наказуется Богомъ пропустившій три недѣли безъ церкви, то какому осужденію подлежитъ тотъ, кто едва ли три раза въ году въ нее входитъ?

Объ этихъ-то грѣшникахъ болѣетъ моя душа, о нихъ-то скорбитъ мое сердце,—и вотъ, не имѣя возможности пойти по всѣмъ домамъ ихъ, вмѣсто себя посылаю имъ эти печатныя воззванія и молю: братіе! не удаляйтесь отъ Бога, отъ Христа, Который сказалъ, что преслушавшій церковь для насъ все равно, что язычникъ и мытарь (Матѳ. 18,17). Вспомните наиболѣе тяжкіе грѣхи своей жизни и, придя во св. церковь съ покаянною молитвой, исповѣдайте ихъ іерею

Божію, а получивъ прощеніе, слѣдите на другой день къ причащенію св. тайнъ.

А что тогда будетъ моею душѣ? спросите вы.—Будетъ то, что сказали неложныя уста Господни: если Добрый Пастырь обрѣлъ одну заблудшую овцу, „то истину говорю вамъ, онъ радуется о ней болѣе, нежели о девяносто девяти незаблудившихся“ (Матѳ. 18, 13). Радуются и св. Ангелы, какъ сказалъ Господь: „такъ говорю вамъ, бываетъ радость у Ангеловъ Божіихъ и объ одномъ грѣшникѣ кающемся“ (Лук. 15, 10). Такъ говоритъ Господь о покающемся, а о томъ, кто услышалъ призывъ и еще размышляетъ, вотъ что говоритъ Онъ въ Апокалипсисѣ: „будь ревностенъ и покаяйся. Я стою у двери и стучу. Если кто услышитъ голосъ Мой и отворитъ дверь, войду къ нему и буду вечерять съ нимъ и онъ со Мною“ (3, 19, 20). Не оттолкните-же братіе Господа, стучащаго въ двери вашего сердца, отверзите Ему и слѣдите на Его безсмертную тайную вечерю во святые храмы.

Архіепископъ Антоній.

7 марта 1911 г.

Правда о денежномъ довольствіи монашествующихъ лицъ въ старину и нынѣ.

Въ виду нѣкоторыхъ разнорѣчій по сему вопросу, открывшихся въ бесѣдахъ монашествующихъ на иноческомъ съѣздѣ въ Житомирѣ, въ январѣ 1911 года, позволяю себѣ здѣсь печатно высказать правду, одну только правду о денежныхъ средствахъ чернаго духовенства.

Начинаю выдержкою изъ завѣщанія Святителя Димитрія Ростовскаго (помѣщено въ Лѣтописцѣ Епископа Амфилохія и др. сказаніяхъ о Святителѣ). Азь, говоритъ онъ, обѣщахъ Богови нищету извольную, не стяжевахъ имѣнія и мшелоимства, кромѣ книгъ святыхъ, не собирахъ злата и сребра. Входящая же въ руцѣ мои отъ благодѣтелей подаянія, и яже на начальствахъ келейныи приходы, тья истощевахъ на мои... нужды; и въ архіерействѣ сый, не собирахъ келейныхъ приходовъ (яже не немноги бяху), но ово на мои потребы иждивахъ, ово на нужды нуждныхъ. Никто же убо да трудится по смерти моей испитую и взыскуя келейнаго собранія моего... прошу о семъ не истязовати служившихъ мнѣ, ради Бога“. Доселѣ изъ завѣщанія Святителя Димитрія.

О какихъ же деньгахъ здѣсь идетъ рѣчь, кои, повидимому, бывали у лицъ въ подобномъ санѣ, разъ предполагалъ Святитель возможныя даже истязанія слугъ при поискѣ сихъ денегъ? Разумѣется тутъ говорится о личныхъ деньгахъ Святителя. Откуда же собирались эти личныя деньги Святителей? Отвѣты найти можно въ дру-

гихъ житіяхъ. Святитель Гурій Казанскій (сказано въ описаніи св. мѣстѣ Муравьева, т. 2, стр. 146), на примѣръ, составлялъ азбуки, продавалъ ихъ, а деньги отъ выручки раздавалъ бѣднымъ. Оивайдскіе отцы (сказаніе о жизни Добрабленыхъ Отцевъ) плели корзины, продавали, и имѣли отъ сего пропитаніе. Сверхъ сего черное духовенство встарину пользовалось нѣкоторыми церковными доходами, какъ и бѣлое. У бѣлаго со старины были вознагражденія за требы, которыя собирались и дѣлались нѣсколько разъ въ году. Тоже самое и у чернаго. Совершеніе молебновъ, крестныхъ ходовъ и пр., какъ и нынѣ, такъ и встарь всегда оплачивалось, и деньги эти составляли достояніе духовенства, которое совершало эти молитвословія (черное, или бѣлое). Крестныхъ ходовъ у бѣлаго духовенства было множество (какъ и нынѣ въ средней Россіи), черное духовенство ходило съ иконами рѣже, но во многихъ обителяхъ съ изстари, съ незапамятныхъ временъ, въ храмахъ стояли Чудотворныя иконы и св. мощи, и передъ ними пѣлись молебны. Пожертвованія за эти молитвословія дѣлились между всѣми. И въ духовенствѣ бѣломъ протопопъ бралъ себѣ 3 часть этихъ молитвенныхъ денегъ, а въ обителяхъ ее получалъ настоятель. Посему и многіе Святые, бывшіе настоятелями, конечно получали это же довольствіе, иначе изъ чего же они подавали милостыню бѣднымъ, рѣчь о коей проходитъ красною нитью почти чрезъ всѣ житія святыхъ Божіихъ. Если бы это была милостыня изъ суммъ обители, то составители житій не ставили бы сего въ похвалу настоятелю, а лишь обители, притомъ всѣ монастырскія деньги съ изстари вѣдалъ и берегъ не настоятель, а казначей, а экономическія—келарь. Изъ этихъ денегъ настоятели не получали ни одной деньги. Доходы же отъ требоисправленій (въ монастыряхъ вездѣ исповѣдывали и причащали встарь, индѣ маслособоровали, браковъ нигдѣ не вѣнчали) безусловно вездѣ дѣлились между настоятелемъ и братіей—монастырями, приходами. Низшее русское духовенство, говоритъ Знаменскій [Руков. къ Русс. Церк. Истор., изд. 3, стр. 32], содержалось, въ древности, доходами отъ требоисправленій. У митрополита и епископовъ въ глубокой древности были еще десятины съ княжескихъ доходовъ. У городскихъ пастырей бывали руги отъ обществъ. У монашествующихъ были деньги келейныя, какъ видѣли, большая часть коихъ составлялась изъ тѣхъ же молитвословныхъ суммъ по раздѣлу. Индѣ и донынѣ экономъ разноситъ и раздаетъ ежемѣсячно, или по третямъ, по кельямъ эти деньги, по полученіи настоятелемъ трети, и раздаетъ ихъ по росписи. Потому тѣ деньги—свѣчныя, сборныя—суть церковныя, ибо хранятся въ церквахъ, эти же—келейныя, ибо идутъ по келліямъ, по рукамъ братіи. Индѣ они называются братскими, ибо дѣлятся настоятелю и бра-

ти, индѣ кружечными, отъ способа собранія ихъ въ кружки на нужды братіи. Кромѣ этихъ доходовъ встарь были еще деньги выкадные. Нынѣ кажется только въ одной Астрахани остался сей обычай, у меня на родинѣ былъ еще въ 50 хъ годахъ (слышалъ отъ родителя своего), а встарину былъ онъ вездѣ. При возгласѣ: „Богородицу и Матерь Свѣта въ пѣснѣхъ возвеличимъ“—выходилъ и собиралъ по церкви старшій причтъ: діаконъ шель со свѣчею съ придѣланнымъ къ ней снизу блюдечкомъ, и священникъ съ кадиломъ и тарелочкой въ лѣвой рукѣ. Кадили весь храмъ и собирали на себя. Псаломщикъ, или дячекъ, собиралъ на себя во время перваго часа, что самъ я еще видалъ въ Вологдѣ (собиралъ въ днище какой то жестяной коробки круглой). Это сборъ выкадный, онъ шель по рукамъ. Бывалъ встарь и по обителямъ. Такимъ образомъ, въ древности у настоятеля и братіи были свои деньги, что и требовалось доказать, ибо это отрицали иные на сѣздѣ.

Настоятели и епископы имѣли встарину нерѣдко и свой столъ, отдѣльный отъ братскаго: сохранилась роспись покупокъ для стола святителя Митрофана. Во многихъ древнихъ настоятельскихъ келіяхъ сохранились особыя отъ братскихъ столовыхъ, кухни. Иногда такой порядокъ и преслѣдовался законоположеніемъ, но обычай держалъ его твердо. Что не только у настоятеля, но и у братіи скапливались въ обители деньги—видно изъ указа 1723 года, воспретившаго монахамъ дѣлать духовныя завѣщанія. Значитъ—деньги бывали у всѣхъ. Но въ обители лишь рѣдкіе приходили съ деньгами, слѣдовательно наживали ихъ въ монастыряхъ. Другіе получали и пенсіи, на примѣръ, Святитель Тихонъ Задонскій получалъ пенсію въ 400 рублей въ годъ, и всю ее раздавалъ неимущимъ (Знаменскій, стр. 424). Владѣніе такими деньгами въ древности отнюдь не считалось преступленіемъ противъ монашескаго обѣта о нестяжаніи, ибо въ старомъ чинѣ постриженія, напечатанномъ въ требникѣ (Кіево-печерскія Лавры въ 1873 году), вовсе даже и нѣтъ вопроса и обѣщанія о нестяжаніи, а значитъ лишь: береш ли всякую скорбь и тѣсноту монашескаго житія царствія ради небеснаго? И хотя въ наставленіи сказано: нищеты да не отвращаешься, но въ древности всякую милостыню не считали противною нищетѣ сей, почему встарь монахи бѣдные даже собирали себѣ, что потомъ воспрещено было закономъ.

Изъ сказаннаго ясно, что древле и епископы, и настоятели, и монахи получали денежное довольствіе. Конечно, получали такое довольствіе и тѣ настоятели, кои потомъ прославились, какъ святые. Если же многіе изъ нихъ сіи средства отдавали бѣднымъ, то дѣлали это по своему произволению, а не по обязанности. Ихъ побуждала къ сему лишь обязанность евангельская, заповѣдь

Христово о помощи бѣднымъ, а не монастырскія правила. Извѣстно, что у преподобнаго Серафима, особенно въ послѣдніе годы жизни, было много приносныхъ денегъ въ келліи, хотя онъ ихъ тщательно раздавалъ и, кажется, на ночь не оставлялъ. Іоаннъ, пастырь Кронштадтскій, имѣлъ также немало денегъ, разъ жертвовалъ тысячами. Значитъ святые Божіи не гнушались денегъ, хотя никогда не копили для себя,—такъ понимался и встарь обѣтъ монашества, тѣмъ болѣе не давали денегъ въ ростъ.

На сѣздѣ же мы слышали и въ Почаевскомъ листкѣ ранѣ читали, будто деньги для монаха есть что то крайне опасное и запрещенное. Нѣтъ, исторически это не вѣрно. Конечно, для иныхъ деньги опасны: для пьяницъ, ибо поддерживаютъ ихъ страсть къ вину, для впадшихъ въ блудное житіе, потому что питаютъ страсть и т. д. А для средняго монаха деньги очень нужны; ибо и книжекъ никто безъ нихъ имѣть не будетъ. Да вѣдь и намъ надо когда либо подать неимущему, или внести въ общество доброе за членство, уплатить служащему и прочее. А тутъ проповѣдуютъ, будто деньги есть что-то какъ бы антихристово для монаха. Мнѣ кажется это ненависть къ деньгамъ—Толстого, тотъ дѣйствительно училъ, что деньги вовсе не нужны. Но намъ не слѣдъ слушать „безумнаго старика“. Посмотримъ лучше на Спасителя и Апостоловъ Святыхъ. И въ обществѣ 12 учениковъ Иисусовыхъ былъ ковчезецъ, куда слагалось вкладываемое и изъ него благодеторились нищіе. Апостолъ Павелъ получалъ дважды подаваніе отъ Филиппійцевъ и написалъ: „подобаетъ служителю Христову отъ благоговѣванія жити, а служащіе алтарю отъ алтаря питаются“. Итакъ, слѣдуетъ разграничивать пристрастіе къ деньгамъ, воспрещенное въ монашествѣ, и умѣренное и умѣлое ими пользованіе.

При Петрѣ Первомъ въ 1701 году велѣно было монастырскому приказу монастырямъ и архіереямъ выдавать жалованье по опредѣленному окладу, урѣзанному приказомъ съ большой экономіей (Знаменскій, 310 стр.) Это называли началомъ штатовъ, но собственно это было лишь предначаломъ жалованья духовенству.

Штаты въ обителяхъ введены были со временъ Императрицы Екатерины Второй. И съ тѣхъ поръ и понынѣ никто ни изъ Іерарховъ, среди коихъ бывали и святые, ни изъ настоятелей обителей и іеромонаховъ никогда не высказывалъ мысли, будто бы грѣхъ получать монахамъ небольшое жалованье по этимъ штатамъ. Великіе Іерархи, Митрополитъ Филаретъ Московскій, Митрополитъ Филаретъ Кіевскій, Архіепископъ Евгений Ярославскій, Митрополитъ Исидоръ, Митрополитъ Фалоеей, Архіепископъ Димитрій—всѣ получали казенное штатное жалованье, и отъ сего не умалялось высокое ихъ значеніе,—и даже возвышалось, при сравненіи скудости окладовъ ихъ

съ другими свѣтскими лицами, по рангу равными, и даже меньшими ихъ. Получали они и $\frac{1}{3}$ часть молитвословной суммы, и изъ нея то Митрополитъ Исидоръ разсылалъ пенсіи знакомымъ бѣднякамъ старикамъ и старухамъ, а Архіепископъ Димитрій разсылалъ серебряный дождь нищимъ.

Посему разговоры на сѣздѣ и вокругъ сѣзда о грѣхѣ монаховъ получать жалованье и кружечный надѣлъ—есть только разговоры, а не обоснованныя на историческомъ ходѣ жизни церкви мнѣнія. Всякое доброе средство, если захотѣть, можно обратить во зло. Можно и лекарствомъ инымъ даже отравиться, если его принять черезъ мѣру. А что бывали примѣры худого пользованія деньгами у монаховъ—то это частные случаи. Истинная философія отъ примѣра не доказываетъ.

И еще одно соображеніе. Жалованье монахамъ штатныхъ обителей и настоятелю даровано Императрицей Екатериной Великой. На Волини оно примѣнено лишь приказомъ Императора Николая Павловича. Посему Святѣйшій Синодъ, разсуждая о преобразованіи обителей третьяго класса въ общежитія, отнюдь не имѣлъ въ виду лишать настоятелей и монаховъ сихъ обителей жалованья. Лишить можетъ лишь *Даровавшій* жалованье, или *Преемникъ* Его. При преобразованіи въ общежитія имѣется въ виду лишь лишеніе молитвословнаго, келейнаго вознагражденія, вмѣсто коего въ общежитіяхъ даютъ готовую обувь, одежду и все прочее. Иногда этотъ вопросъ не выясняютъ, и дѣло смѣшиваютъ. А иные кричатъ: зачѣмъ жалованье монахамъ, полагая что оно очень велико. Нѣтъ отцы и братіе! Настоятели трехклассныхъ монастырей имѣютъ всего въ мѣсяць жалованья 18 р. 75 коп. Іеромонахи обителей перваго класса 40 р. въ годъ—и все въ такой же степени. Поистинѣ нынѣшнее жалованье есть милостыня царская за поминъ *Его Величества* о здравіи и старыхъ *Царей* и всей *фамиліи* о упокоеніи. А милостыню отнимать никто не посовѣтуетъ. Что же касается раздѣловъ келейной кружечной суммы, скопляющейся отъ вознагражденія за поминны, молебны, панихиды и прочее, то, согласно старому обычаю, штатные монастыри Волини почти всѣ находятъ дѣломъ мѣстной необходимости не отмѣнять еще пока и ихъ, выдавая части этой суммы монашествующимъ на всѣ прописанныя выше нужды, ибо и Святѣйшій Синодъ повелѣлъ приводить послѣдній Указъ въ дѣйствіе постепенно, то есть въ продолженіе 5, 10—15 лѣтъ. Новое большое дѣло сразу не наладится. Здѣсь же, на окраинѣ отечества, крайне трудно наладить классовыя обители на образецъ новыхъ общежитій. Лишь время покажетъ пути и способы движенія впередъ.

Настоятель Мелецкаго Монастыря, Кандидатъ Богословія, Архимандритъ **Алексій**.

Трудъ, его необходимость и значеніе, съ христіанской точки зрѣнія.

Для того, чтобы привлечь на свою сторону простодушныхъ и неопытныхъ людей, социалисты обѣщаютъ, что въ будущемъ социалистическомъ государствѣ люди будутъ работать въ сутки всего лишь 2½ или 3 часа. При этомъ работать будутъ люди только отъ 16 до 28 лѣтъ, а послѣ этого они могутъ жить въ полной и совершенной праздности, получая все потребное для жизни отъ общества. Работа будетъ идти весело, такъ сказать, „играючи“; мужчины и женщины будутъ работать вмѣстѣ, при чемъ въ промежуткахъ для развлечения будутъ устраивать танцы.

Спрашивается, какъ же смотреть на трудъ христіанство? Всеблагій Богъ, сотворивши человѣка, какъ извѣстно, благоволилъ надѣлать его различными силами и способностями; но все эти силы и способности на первыхъ порахъ были дарованы ему только лишь въ зародышѣ въ видѣ сѣмени, и потому нуждались въ развитіи и усовершенствованіи. Поэтому первому человѣку вмѣнено было въ непремѣнную обязанность, чтобы онъ развивалъ и усовершеншалъ эти богодарованныя ему силы и способности и такимъ образомъ постепенно уподоблялся Богу, своему Первообразу. А это возможно не иначе, какъ только путемъ постоянного и постепеннаго упражненія ихъ въ соотвѣтствующей имъ дѣятельности. И вотъ, дѣйствительно, всеблагій Богъ, на первыхъ же порахъ окружилъ первозданнаго человѣка всеми самыми благопріятными условіями для его умственнаго, нравственнаго и физическаго развитія. Онъ даровалъ ему право господствовать и владычествовать надъ всеми прочими земными тварями и пользоваться ими, какъ средствомъ и пособіемъ для развитія своихъ высшихъ богоподобныхъ стремлений; Онъ повелѣлъ ему воздѣлывать и хранить рай, въ которомъ Онъ помѣстилъ его на первыхъ порахъ; а послѣ грѣхопаденія человѣка Онъ прямо и рѣшительно ему объявилъ: *„Въ потѣ лица твоего съѣси хлѣбъ твой, дондеже возвратиши въ землю, отъ неяже взятъ еси“* (Быт. 3, 19.). Такимъ образомъ послѣ грѣхопаденія человѣка трудъ сдѣлался для него еще больше необходимъ, чѣмъ раньше, такъ какъ земля подверглась проклятію за грѣхъ человѣка; вслѣдствіе этого она утратила свое прежнее плодородіе и стала производить тернія и волчцы. Она стала требовать теперь отъ человѣка изнурительныхъ трудовъ, для того чтобы онъ могъ снискивать себѣ пропитаніе. Но если трудъ необходимъ былъ для человѣка еще до паденія, когда онъ обладалъ совершенно свѣжими и не-

испорченными силами, какъ духовными, такъ и тѣлесными, для того, чтобы онъ могъ соотвѣтствовать тому высокому назначенію, для котораго онъ созданъ, то тѣмъ болѣе онъ необходимъ для человѣка теперь, послѣ грѣхопаденія, когда его природа подверглась глубокому поврежденію и разстройству и когда силы его сдѣлались слабыми и немощными, удобопреклонными болѣе ко злу, нежели къ добру. Если и въ первобытныя времена еще дѣвственная почва земли, и та требовала отъ человѣка изнурительныхъ трудовъ для того, чтобы онъ могъ получать отъ нея необходимыя для его существованія средства; то тѣмъ болѣе таковыя труды необходимы теперь, когда земля далеко не обладаетъ такимъ плодородіемъ, какимъ она обладала на первыхъ порахъ. Вотъ почему трудъ признавался необходимымъ во все время и у всехъ народовъ. Правда, въ мірѣ языческомъ, предъ пришествіемъ на землю Христа Спасителя, физическій трудъ считался позорнымъ и унижительнымъ для человѣка; свободные римскіе граждане обыкновенно пренебрегали заниматься физическимъ трудомъ, считали его недостойнымъ для себя и предоставляли его своимъ рабамъ. Но послѣ того, какъ Самъ Іисусъ Христосъ, явившись на землю, благоволилъ избрать Себѣ униженное званіе простого ремесленника,—послѣ этого Онъ снялъ клеймо незаслуженнаго позора со всякаго честнаго труда, къ какой бы отрасли онъ ни принадлежалъ. И Самъ же Онъ благоволилъ показать намъ высочайшій образецъ трудолюбія.

Во время Своего общественнаго служенія роду человѣческому, Онъ является изумительно дѣятельнымъ и неутомимымъ. Такъ, на примѣръ, когда Евангелисты повѣствуютъ (Мѣ. 8, 16; Мр. 1, 32), что вечеромъ одного дня уже по захожденіи солнца къ Нему со всехъ сторонъ приносили бѣсноватыхъ и Онъ изгонялъ духовъ словомъ Своимъ и исцѣлялъ всякія недуги; то это былъ вечеръ того дня, который Онъ провелъ въ непрерывной дѣятельности,—въ путешествіи, ученіи и благотвореніи. А на слѣдующее утро, когда еще было совершенно темно, Онъ уже ушелъ въ пустынное мѣсто и тамъ молился. И вотъ ученики Его находятъ и говорятъ Ему: *всѣ Тебя ищутъ. Идемъ, отвѣчалъ имъ Спаситель, въ ближайшіе города и веси, чтобы Мнѣ и тамъ проповѣдывать, такъ какъ Я для этого пришелъ* (Мр. 1, 35—38.). И не смотря на такой непрерывный и утомительный трудъ, въ Евангеліяхъ мы не находимъ ни малѣйшей жалобы Спасителя на утомленіе. Равнымъ образомъ и Апостолы, лишь только исполнились Духа Св., они, по заповѣди Спасителя, немедленно выступили на дѣло Евангельской проповѣди и распространяли ученіе христіанское съ величайшею ревностью. Они пронесли его по всемъ стра-

намъ тогдашняго міра и возвѣстили его всѣмъ народамъ, однимъ словомъ—*„во всю землю изыде вѣщаніе ихъ и въ концы вселенныя глаголы ихъ“* (Римл. 10, 18). Но при этомъ они посвящали свое время не одному только проповѣданію слова Божія, но и дѣламъ благотворительности, трудамъ тѣлеснымъ, а нѣкоторые изъ нихъ— даже и письменной дѣятельности. И вотъ, проходя съ полнымъ самоотверженіемъ свое высокое служеніе и ревностно исполняя свои обязанности, завѣщанныя имъ ихъ Божественнымъ Учителемъ, Св. Апостолы и вѣрующимъ при каждомъ удобномъ случаѣ старались настойчиво внушать и показывать необходимость и высокое достоинство честнаго труда. Они говорили: *„не трудивыйся да не ястъ“* (2 Сол. 3, 10.) Вотъ почему „трудиться и молиться“—это правило сдѣлалось девизомъ христіанской жизни.

Такимъ образомъ трудъ, по ученію христіанскому, это вовсе не есть одно простое развлеченіе или забава, какъ смотритъ на него социализмъ; а напротивъ, это есть необходимый священный долгъ, безусловно обязательный для каждаго человѣка. Безъ труда немислимо и самое существованіе на землѣ рода человѣческаго: онъ не только доставляетъ людямъ всѣ необходимыя для ихъ существованія и жизни средства, но онъ въ то же время является необходимымъ условіемъ развитія и усовершенствованія богодарованныхъ имъ силъ и способностей и такимъ образомъ служитъ залогомъ не только земного и временнаго ихъ счастья и благополучія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣчнаго. Отсюда на обязанности каждаго человѣка лежитъ избрать себѣ какой либо одинъ опредѣленный родъ дѣятельности въ жизни общественной. Дѣло въ томъ, что область человѣческой дѣятельности такъ обширна, и многосложна, что ни одинъ человѣкъ не можетъ обнять ее своими собственными силами. Поэтому каждый человѣкъ по необходимости долженъ ограничиться какимъ-либо однимъ опредѣленнымъ кругомъ дѣятельности. Вотъ почему различныя званія и состоянія являются въ родѣ человѣческомъ съ самыхъ первобытныхъ временъ и освящены для насъ примѣромъ дѣтей нашего праотца Адама. И Самъ Богъ нарочито неравномѣрно распредѣляетъ дары свои между людьми, такъ что одни люди являются способными преимущественно къ одной дѣятельности, а другіе къ другой. Это дѣлается съ тою мудрою цѣлью, чтобы всѣ люди взаимно служили и помогали другъ другу, такъ что всякій, даже и незначительный по своимъ дарованіямъ человѣкъ и тотъ можетъ занимать въ обществѣ приличное мѣсто и приносить пользу своимъ ближнимъ.

Такое избраніе себѣ опредѣленнаго рода дѣятельности имѣетъ для человѣка чрезвычай-

но важное значеніе. Пока человѣкъ не избралъ себѣ опредѣленнаго рода дѣятельности, онъ находится въ нерѣшительномъ состояніи; онъ не знаетъ, къ чему приложить свои силы и способности. Но послѣ того, какъ онъ избралъ себѣ какой-либо опредѣленный родъ дѣятельности, послѣ этого его силы и способности получаютъ опредѣленное направленіе, и онъ уже можетъ съ пользою трудиться на этомъ избранномъ имъ поприщѣ, какъ для себя самого, такъ и для своихъ ближнихъ. Но, конечно, при этомъ надобно наблюдать, чтобы избранное имъ дѣло было вполнѣ честное и законное, отнюдь не противное волѣ Божіей, и чтобы оно было вполнѣ сообразно съ его силами и способностями. Избравши себѣ въ обществѣ опредѣленное званіе, сообразное съ своими силами и способностями, христіанинъ долженъ смотрѣть на него, какъ на призваніе и опредѣленіе Божіе и какъ на путь, ведущій къ достиженію нравственнаго совершенства. Онъ долженъ дорожить своимъ званіемъ, любить его и уважать; онъ долженъ проходить его честно и добросовѣстно и со всею ревностю исполнять соединенныя съ нимъ обязанности. При этомъ онъ долженъ стараться исправлять, улучшать и совершенствовать то, что въ немъ есть несовершеннаго и недостаточнаго, и достигать въ своемъ дѣлѣ возможно высшаго совершенства. Онъ долженъ терпѣливо и безропотно переносить трудности и невыгоды, соединенныя съ принятымъ имъ на себя званіемъ; онъ долженъ помнить, что всякое званіе имѣетъ, и свои выгодныя и не выгодныя стороны. Однимъ словомъ—христіанинъ долженъ дѣлать свое дѣло такъ, какъ бы оно было поручено ему Самимъ Богомъ, не изъ желанія и ожиданія для себя однѣхъ только временныхъ выгодъ, но изъ чувства сыновней любви и повинненія Своему небесному Отцу, изъ искренняго желанія содѣйствовать этимъ истинному благу своихъ ближнихъ, памятуя, что во всемъ этомъ онъ долженъ будетъ нѣкогда дать отвѣтъ передъ Богомъ на страшномъ судѣ Его. Само собой понятно, что при такихъ условіяхъ трудъ будетъ имѣть чрезвычайно важное значеніе; при такихъ условіяхъ человѣкъ будетъ наслаждаться счастьемъ и благополучіемъ не только въ настоящей, земной жизни, но онъ насладится вѣчное блаженство и въ жизни будущей, загробной.

Между тѣмъ социализмъ обѣщаетъ своимъ будущимъ согражданамъ, что они будутъ работать въ сутки всего лишь часа 2½ или 3, и при томъ будутъ работать только отъ 16 до 28 лѣтъ, а послѣ этого они будутъ жить въ полной и совершенной праздности, получая отъ общества все нужное для ихъ существованія и жизни. Но социализмъ, очевидно, забываетъ, что праздность—это есть мать всѣхъ пороковъ. Че-

ловѣкъ, проводящій время въ праздности, губить и зарываетъ въ землю, данныя ему отъ Бога дарованія; онъ неизбѣжно падаетъ и понижается, какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи и въ концѣ концовъ становится въ тягость, какъ для себя, такъ и для другихъ. Однимъ словомъ—праздная и бездѣятельная жизнь—это не жизнь, а какое то совершенно бесполезное и безцѣнное прозябаніе, рѣшительно ни для кого и ни для чего не нужное: чѣмъ жить такимъ образомъ, лучше уже совсѣмъ не жить.—Кромѣ того въ будущемъ социалистическомъ государствѣ человѣкъ не самъ будетъ избирать для себя подходящій родъ дѣятельности; а напротивъ,—онъ долженъ будетъ дѣлать то, что будетъ приказано и предписано ему обществомъ, при чемъ сегодня, по распоряженію общества, онъ долженъ будетъ дѣлать одно дѣло, а завтра—совершенно другое и при томъ, быть можетъ, такое, къ которому онъ не имѣетъ ни склонности, ни навыка, ни расположенія. Но отъ такой постановки дѣла никоимъ образомъ нельзя ожидать добрыхъ и благодѣтельныхъ послѣдствій. Всякому извѣстно, что отъ уваженія къ своему званію, отъ увѣренности въ его достоинствѣ, въ его соразмѣрности съ нашими силами и способностями, наиболѣе зависитъ ревностное исполненіе соединенныхъ съ нимъ обязанностей. И наоборотъ, отъ неуваженія къ своему званію, отъ нежеланія посвятить ему свои силы, и дарованія, какія только у насъ есть, происходитъ небреженіе объ обязанностяхъ, налагаемыхъ имъ, а отсюда проистекаетъ явный вредъ, и для насъ самихъ, и для общества. При такихъ условіяхъ человѣчество естественно должно будетъ понизиться и пасть, и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ.

А. Меньшовъ.

ОТКЛИКИ.

I.

По поводу статьи: „Состояніе духовенства въ Волынской епархіи по отчетамъ о.о. благочинныхъ за 1909 г. („Епарх. Вѣд.“ № 8 за сей годъ).

Настоящей замѣткой я не намѣренъ упрекать въ чемъ либо автора означенной статьи, а тѣмъ болѣе возражать противъ справедливости сказанной въ ней. Хочу только подѣлиться тѣмъ впечатлѣніемъ, какое произвело на меня одно мѣсто этой статьи. Мѣсто это слѣдующее:

„Нѣкоторые о.о. благочинные, въ округахъ которыхъ есть много священниковъ, не получившихъ семинарскаго образованія, характеризуютъ

такихъ священниковъ непривлекательными чертами. „Нельзя умолчать“ говоритъ одинъ о. благочинный, о тѣхъ священникахъ, кои безъ должнаго образованія: здѣсь и проповѣди рѣдки, а если бываютъ, то читаются чужія, и народъ въ тѣхъ приходахъ какъ то грубѣе: невоспитанъ и въ церкви стоитъ неблагоговѣнно“ и т. д.

Допускаю, что, можетъ быть, въ округахъ этихъ „нѣкоторыхъ о.о. благочинныхъ“ всѣ священники „безъ должнаго образованія“ заслужили такую рекомендацію; но скорблю о томъ, что не нашлось ни одного о. благочиннаго, который бы также не умолчалъ и о такихъ священникахъ, которые хотя и безъ должнаго образованія, однако ни въ чемъ не уступаютъ священникамъ съ таковымъ образованіемъ, а многихъ изъ нихъ и превосходятъ. А что такіе священники (хотя можетъ быть и немного) въ нашей епархіи есть, это едва-ли кто станетъ оспаривать.

Изъ этихъ священниковъ есть такіе, которые выступаютъ со своими замѣтками на страницахъ нашего епархіальнаго органа, есть отличные проповѣдники, есть такіе, о достоинствахъ которыхъ заявляли печатно прихожане и даже есть одинъ (а можетъ быть и не одинъ) благочинный, нѣсколько лѣтъ проходящій съ успѣхомъ эту должность, избранный духовенствомъ и пользующійся его уваженіемъ. Не говорю уже о томъ, что почти всѣ такіе священники хорошо знаютъ церковное пѣніе.

Что касается того явленія, что въ приходахъ съ неполучившими семинарскаго образованія священниками народъ „грубъ, невоспитанъ и неблагоговѣнно стоитъ въ церкви“, то и тутъ нельзя всецѣло винить именно нынѣшняго священника, если принять во вниманіе то важное обстоятельство, что кандидаты изъ „неокончившихъ“, какъ у насъ на Волыни выражаются, обыкновенно назначаются въ плохіе приходы, съ „плохими“ прихожанами, гдѣ такъ или иначе сумѣли воспитать народъ ихъ предшественники, на которыхъ, естественно, и падаетъ часть вины. Кромѣ того, прошу согласиться со мною такъ же и въ томъ, что не исключительно же въ приходахъ съ „такими“ священниками народъ грубъ и невоспитанъ, а есть очень много приходовъ съ высокособразованными священниками, гдѣ народъ все таки очень грубъ и невоспитанъ, и наоборотъ. Повидимому, въ воспитаніи прихожанъ играетъ роль не исключительно дѣятельность священника, а и различныя другія условія, хорошо извѣстныя каждому священнику.

Впрочемъ, въ предупрежденіе обвиненія меня въ пристрастномъ освѣщеніи вопроса, долженъ пояснить, что вышеприведенные отзывы мои относятся къ немногимъ изъ священниковъ безъ семинарскаго образованія, большинство же изъ нихъ заслуживаютъ данной имъ благочинными аттестаціи и защищать ихъ я не берусь. Тѣмъ не

менѣе характеризовать всѣхъ поголовно священниковъ этой категоріи „непривлекательными чертами“ обидно для тѣхъ, которые заслуживаютъ быть отмѣченными иначе. Едва ли можно послѣ этого обвинять этихъ отцовъ и въ нежеланіи продолжать свое самообразованіе. Я глубоко убѣжденъ, что стремленіе къ приобрѣтенію познаній у нихъ есть; если же многіе не идутъ дальше желанія, то причины этого лежатъ не въ нихъ самихъ, а въ томъ, что они положительно не имѣютъ возможности истратить нѣсколько рублей на выписку журналовъ и книгъ, такъ какъ бюджетъ большинства изъ нихъ едва-ли не ниже бюджета псаломщиковъ на хорошихъ приходахъ. Устройте окружныя бібліотеки и увидите, что эти батюшки будутъ первыми ихъ читателями.

О.

II.

По поводу замѣтки о благочинныхъ въ № 8 „Епарх. Вѣдомостей“.

Въ № 1 „Епарх. Вѣдомостей“ авторъ „М“, говоря „о бѣгствѣ благочинныхъ“, главнымъ образомъ выставляя причиной бѣгства тяжесть труда, возложеннаго на cadaго изъ благочинныхъ, что для старика нерѣдко бываетъ не въ моготу и старецъ-благочинный по этой причинѣ вынужденъ оставить возложенный на него постъ.

Это фактъ неопровержимый. Канцелярія благочиннаго теперь стала очень сложной, такъ что безъ посторонней помощи трудно справиться не только старому благочинному, но и молодому. Надо же имѣть въ виду и приходъ и нерѣдко многолюдный.

По мнѣнію же о. Владиміра Ясинскаго, высказанному въ № 8 „Епарх. Вѣдом.“, причина бѣгства старыхъ о.о. благочинныхъ совершенно иная. Такой причиной служатъ современные либеральные священники, псаломщики изъ монастырскихъ и псаломщики-діаконы. Приведу лучше всего его собственныя слова: „Не старость имъ мѣшаетъ служить, а мы, современные священники, съ нашими либеральными взглядами на жизнь, наши зазнавшіеся псаломщики изъ монастырскихъ и псаломщики-діаконы съ ихъ мечтой о священствѣ“.

Больно читать эти слова. Много ли примѣровъ въ природѣ, спрошу я, чтобы муха заѣла паука? Навѣрное, ни одного. А псаломщикъ по сравненію съ благочиннымъ не только муха, но и комаръ, одинъ нажимъ руки и онъ раздавленъ...

Далѣе, о. Владиміръ сѣтуетъ, что на должность благочинныхъ избираются молодые люди въ попираніе старческихъ сѣдинъ... Скажу, что и мнѣ въ жизни представлялся случай участвовать въ выборахъ благочиннаго и пришлось видать, какъ старцы іереи умоляли своихъ братьевъ не возлагать на нихъ этого тяжкаго труда, а пото-

му если выбираются въ благочинные люди молодые, то по причинѣ отказа старцевъ-іереевъ. О выборахъ благочинныхъ вы такъ пишете: „Вся бѣда здѣсь въ томъ, что допущены выборы благочинныхъ. Этимъ совсѣмъ не консолидируется идея благочинія, а, напротивъ, умалется ея значеніе и дается широкій просторъ случайностямъ. Хорошо еще, если благочиннаго избираютъ только свои собратія т.-е. священники, люди компетентные въ этомъ, но горе тому собранію, гдѣ допускаются псаломщики, да еще съ полнымъ (!) голосомъ. Согласитесь, вѣдь псаломщики низшіе члены причта, какое же они имѣютъ право судить „настоятелей“, что тотъ достоинъ, а тотъ недостойнъ быть благочиннымъ, наконецъ, не изъ ихъ же среды берутся кандидаты“.

Читая эти слова, я скажу, что это право дала сама жизнь. Вѣдь псаломщикъ есть низшій служитель церкви, поставленный властію епископа и находящійся въ постоянномъ его вѣдѣніи.

Въ этой замѣткѣ кстати не сказано о псаломщикахъ. Никто не повѣритъ, что старцы благочинные уходятъ изъ за псаломщиковъ изъ монастырскихъ. Мнѣ недавно приходилось читать на страницахъ „Епарх. Вѣд.“ рапортъ одного священника на имя Его Высокопреосвященства, въ которомъ онъ писалъ, что самыми лучшими псаломщиками оказываются послушники изъ архіерейскаго дома, а о бывшемъ псаломщикѣ изъ семинаристовъ писалъ, что былъ грубъ и непочтителенъ къ святынямъ. За послѣдніе два года поднявшійся на Волыни престижъ псаломщика надо поддерживать, а не попираить и спасибо за то, что теперь духовенство стремится поднять престижъ псаломщика и сдѣлать его ближе къ своей священнической средѣ. У многихъ священниковъ псаломщики приняты въ своемъ домѣ и псаломщики за это отвѣчаютъ своею любовью къ такимъ священникамъ. Но, конечно, не всякій псаломщикъ принять, а кто этого заслуживаетъ.

Въ заключеніе скажу, что пишу сіи строки съ цѣлью защитить псаломщиковъ отъ напраслины.

Сельскій дьячекъ.

ХРОНИКА.

Отпѣваніе и погребеніе протоіерея Н. Н. Трипольскаго. 6-го марта въ г. Житомирѣ хоронили о. протоіерея Николая Николаевича Трипольскаго. Заупокойную литургію въ Каѳедральномъ соборѣ, куда наканунѣ было перенесено тѣло усопшаго, совершалъ Высокопреосвященнѣйшій Антоній въ сослуженіи многочисленнаго блага и монашествующаго духовенства. По окончаніи литургіи предъ отпѣваніемъ Каѳедральнымъ протоіе-

реемъ К. І. Левитскимъ было произнесено слѣдующее слово, посвященное памяти почившаго.

„Мирное, спокойное теченіе душеспасительной Четырдесятницы въ Богоспасаемомъ градѣ нашемъ, въ православной семьѣ нашей нарушено... Гробъ, покойникъ сосредоточиваетъ нынѣ на себѣ вниманіе братіи святаго храма сего „Се нынѣ видимъ лежаща посредѣ насъ“ служителя Алтаря Господня, приносителя и совершителя Божественныхъ таинствъ, вѣрнаго стража дома и дѣла Божія, нелѣстнаго проповѣдника истины. Помыслимъ его краткую жизнь, помянемъ его любовь къ намъ и извлечемъ для себя урокъ, назиданіе.

Любилъ почившій поучать, любилъ разсказывать близкимъ и знакомымъ характерные моменты изъ своей жизни. Нѣкоторые изъ этихъ моментовъ и запечатлѣлись въ нашемъ сердцѣ и памяти.

Вотъ его первые шаги выступленія на поприще общественной дѣятельности, на служеніе церкви и отечеству.

Чуждый русскому духу, грубый и жестокой социализмъ свивалъ себѣ тогда (въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія) гнѣздо на русской землѣ, шаталъ умы русскихъ людей и особенно молодого поколѣнія, колебалъ лучшіе устои русской жизни. Вмѣстѣ съ походомъ противъ государства объявленъ былъ походъ и противъ церкви. Враги церкви и отечества старались всюду разливать свой губительный ядъ.

Жизнь точно вышла изъ своей обычной колеи и двигалась впередъ неровными шагами. Грозившая опасность побуждала и возбуждала къ энергической дѣятельности. Вниманіе лучшихъ людей давно уже съ безпокойствомъ слѣдило за водворявшеюся въ умахъ русскаго общества смутой. Пастыри словеснаго стада ясно видѣли, что ихъ паства не идетъ по тому пути, который указанъ и начертанъ Единымъ Пастыремъ, что въ стадѣ появилось много волковъ въ овечьей шкурѣ, которые и увлекали неразумныхъ за собой. Зловредное направленіе стало просачиваться и въ учебныя заведенія, проникло и въ школу. И сюда въ область воспитанія успѣло втиснуться чуждое направленіе и придавить правильное развитіе въ питомцахъ *духовнаго начала*, разобщить ихъ съ народною жизнью, съ исторіей и преданіями родной страны, охладить въ нихъ чувство участія въ судьбахъ отечества и образовать изъ нихъ Базаровыхъ съ вѣрою въ лягушку, но не въ Бога.

Почившій собратъ нашъ съ первыхъ дней своей пастырски-педагогической дѣятельности, какъ законоучитель юношества, твердо сталъ на почвѣ православной традиціи и народности, смѣ-

ло и рѣшительно вступилъ въ жизненный водоворотъ,—боролся, гдѣ и противъ кого нужно было, несъ въ жизнь добро и свѣтъ, черпая оружія для борьбы и источникъ жизненнаго обновленія въ мірѣ внутреннемъ и Богѣ, въ неистощимой силѣ слова Божія, въ правдѣ Христовой, въ сознаніи величія и красоты этой правды

Въ своихъ урокахъ и поученіяхъ время отъ времени раскрывалъ онъ жизненную силу нашей религіи и направлялъ дѣло религіознаго воспитанія такъ, чтобы оно содѣйствовало расширенію души учащихся, сливало бы ихъ душу съ религіей, съ душою всей церкви, воспитывалъ въ нихъ христіанскіе идеалы на противопоставленіи истины Евангелія житейской суетѣ, на освѣщеніи, съ Евангельской точки зрѣнія, жизненной перспективы.

Благолѣпнымъ, чинно, неспѣшно и съ возможно торжественностію совершаемымъ Богослуженіемъ часто привлекалъ онъ въ храмъ Божій самыхъ холодныхъ и равнодушныхъ посѣтителей и для нихъ мало по малу домъ Божій становился домомъ молитвы, колокольный звонъ—гласомъ радости и веселія,—благовѣстникомъ, зовущимъ „къ молитвѣ благостной“; въ сердцахъ же истинныхъ сыновъ церкви Христовой внѣдрялъ убѣжденіе, что въ церкви Божіей непрестанно живетъ все то же и такое же важное, торжественное, неумирающее, какимъ было въ первые вѣка христіанства, что все здѣсь направляется и оживляется благодатію Небеснаго Кормчаго—Всеосвящающаго, Зиждителя Божественнаго Духа,—все дышетъ тою вѣчною жизнію, отъ которой отворачивается близорукая современность,—настойчиво проповѣдывалъ, что участіе близкое, непосредственное въ церковной жизни—это тотъ спасительный якорь, съ которымъ христіанинъ можетъ выдержать всякія бури и невзгоды въ сей юдоли плача...

Шло время впередъ, вбивались въ наше нѣкогда „забранномъ“ краѣ новыя сваи утвержденія основъ русской государственности... настали 80-е годы—ужасное событіе 1 марта заставило русскихъ людей вдуматься въ то горестное положеніе, проанализировать тотъ ложный путь, по какому шло русское общество, подражая во всемъ Западу; оживленнѣе становилась повсюду дѣятельность церкви, закипѣла и на Волыни духовная и душевная работа: возстановлялись древнія братства, созидались школы, усилилась просвѣтительная и миссіонерская дѣятельность духовенства правильною организаціей внѣбогослужебныхъ бесѣдъ и чтеній,—во всѣхъ этихъ благополезныхъ для церкви Божіей и православнаго русскаго отечества мѣропріятіяхъ почившій являлся однимъ изъ первыхъ пионеровъ, умомъ и сердцемъ откликался онъ на всякое благое начинаніе и да-

валъ ему надлежащее направленіе... Много на Волыни живыхъ памятниковъ его сердечныхъ заботъ, его неутомимыхъ трудовъ. Лишь только застучала въ двери православія злокозненная штунда, почившій первый выступилъ на поле брани съ оружіемъ слова; началось чешское религиозное движеніе, ревнитель дома Божія—почившій своими воодушевленными бесѣдами, своими общедоступными поученіями много содѣйствовалъ вступленію ихъ въ лоно православной церкви, равно и укрѣпленію и утвержденію неопитовъ въ вѣрѣ и привязанности къ храму; устройствомъ же школъ вырывалъ подрастающее поколѣніе изъ тьмы невѣжества—отвлекалъ отъ сѣтей штунды и обольстительнаго вліянія католицизма. Сильно боролся почившій и съ воинствующимъ инославіемъ... Любилъ почившій нашу древне-православную Волынь, серьезно изучалъ ея исторію, знакомился по преимуществу съ ея священными памятниками—памятниками старины вѣковѣчной, глубоко назидательной. Замѣтные слѣды своей плодотворной дѣятельности оставилъ онъ въ обѣихъ мужскихъ Житомирскихъ гимназіяхъ, въ женской Маріинской, и въ духовныхъ училищахъ—женскомъ и мужскомъ: храмъ во имя святыхъ первоучителей Славянскихъ въ послѣднемъ созданъ по его инициативѣ и его стараніями. До послѣдняго момента своей земной жизни жилъ онъ интересами школы, воспитанія, законоучительства: въ періодъ своей болѣзни все скорбѣлъ, что не можетъ, не имѣетъ силъ ходить на уроки Закона Божія.

Его трудамъ и заботамъ много обязано благолѣпіе святыни и сего величественнаго храма. Жизнь и дѣятельность почившаго, какъ священнослужителя, тѣсно связана съ симъ мѣстомъ селенія славы Господней. Его призваніе къ служенію церкви Божіей только на годъ упредило освященіе сего храма. И почившій, можно сказать, былъ живымъ свидѣтелемъ поучительной исторіи его,—свидѣтелемъ и очевидцемъ того, какъ слава Преображенія Господня, въ честь котораго посвященъ сей храмъ, осіяла градъ нашъ и люди и какъ быстро пошло развитіе его и процвѣтаніе, при молитвенномъ заступленіи святыхъ Волынскихъ угодниковъ—нѣкогда земныхъ защитниковъ нашего отечества, нынѣ же небесныхъ молитвенниковъ и представителей. Ему, его же дорогому участію и содѣйствію обязанъ храмъ сей водвореніемъ здѣсь частицъ мощей родныхъ угодниковъ—преподобномученика Макарія Овручскаго, преподобнаго Феодора Острожскаго и святыхъ праведныхъ Іуліаніи Дубровицко-Ольшанскія, къ коимъ благоговѣнно вѣрующая и молящаяся душа имѣетъ возможность нынѣ во всякое время припадать, лобызать ихъ и осѣнять себя молитвеннымъ благословеніемъ на трудный жизненный подвигъ...

Конченъ путь его временной, суетной жизни, земнаго странствованія, путь, усталый и

высокими радостями и дорогими потерями,—дарми любви, чести и славы, восторгами сочувствія и еще больше знаками и выраженіями печали и ударами скорби...

Безропотно, благодушно несъ почившій свой жизненный крестъ, смотрѣлъ онъ и на горе и на радость, на неудачи и удачи какъ на грани и ступени Провидѣнія Божія. Умѣлъ онъ въ трудную минуту и себя и другихъ утѣшить и ободрить, подкрѣпить и усладить молитвою и надеждою на милость и благость Божію. И нынѣ изъ гроба вѣщаетъ онъ намъ и поучаетъ; „сичевое наше житіе, братіе, сіе на земли игралище, соніе есмы непостоянное, дуновеніемъ неодоержимое, пареніе птенца преходящаго, корабль по морю слѣда не имый... Теченіе скорое и жестокое есть, имже течемъ: дымъ есть житіе, пара и пепель, и прахъ по малѣ будемъ и яко цвѣтъ увядаемъ“. (Пѣснопѣнія изъ чина погребенія іерейскаго). Одного желаетъ онъ отъ насъ, одного просить, одинъ завѣтъ оставляетъ намъ всѣмъ: „вспоминаю вамъ братіе мои и чада и друзи мои, не забываете мя, егда молитесь ко Господу: молю, прошу и милъ ся дѣю, навикайте симъ въ память и плачите меня день и ночь. Братіе мои возлюбленные, не забываете мя, егда поете Господа: но помните братство и молитте Бога, да успокоитъ мя съ праведными Господь“.

Помолимся же, братіе, со всѣмъ усердіемъ и будемъ молиться, да вчинитъ Превѣчный Богъ духъ его—„въ вѣрѣ и надеждѣ любви и въ священномъ достоинствѣ благочестно пожившаго“—въ мѣстѣ свѣтлѣ и краснѣ, идѣже праведніи упоковаются, да водворитъ его въ райскомъ наслажденіи, въ мѣстѣ селенія дивныхъ славы Своя.

На исходѣ своего земнаго жительствова все ждалъ онъ, все казалось ему, что вотъ вотъ наступитъ Пасха Христова, эта благоухающая весна духовной жизни. Да дастъ же ему Господь „истѣе причащатися въ невечернемъ дни Своего Божественнаго Царствія“ Пасхи вѣчной и совершеннѣйшей! Аминь... „

Затѣмъ Высокопреосвященнѣйшимъ Антоніемъ соборне съ Преосвященнѣйшимъ Гавріиломъ и всѣмъ почти городскимъ духовенствомъ совершено самое отпѣваніе усопшаго по чину погребенія іерейскаго, послѣ чего, по окончаніи трогательнаго прощанія духовенства, родныхъ и близкихъ, гробъ былъ обнесенъ священниками во кругъ собора и установленъ на траурную колесницу. Крышку гроба несли учащіеся II гимназіи, гдѣ покойный состоялъ послѣднее время законоучителемъ. Печальное шествіе, сопровождаемое духовенствомъ, во главѣ съ Преосвященнѣйшимъ Гавріиломъ, направилось къ Вильскому кладбищу.

На кладбищѣ предъ открытой могилой два юныхъ питомца II гимназіи произнесли прочувствованныя рѣчи.

Первымъ говорилъ ученикъ V класса Андрей Кокульскій.

„Тяжкую утрату переживаемъ мы въ эти дни, сказалъ гимназистъ Кокульскій. Не хочется вѣрить, что о. Николай мертвъ, что мы не увидимъ его больше среди насъ. За небольшой промежутокъ времени своего учительства, благодаря необычайной добротѣ своего характера, покойный заслужилъ всеобщую любовь и уваженіе среди насъ—гимназистовъ. Изъ его отношенія къ намъ, кроткаго, довѣрливаго и простаго, видно было, что наша школа была для него семьей, каждому члену которой онъ всегда былъ готовъ помочь добрымъ, по истинѣ отеческимъ совѣтомъ и назидаемъ. Какъ теперь вижу его свѣтлое чело, окаймленное сѣдинами, слышу его голосъ, проповѣдующій намъ слово Божіе въ храмѣ или же поучающій насъ Закону Божію въ классѣ. Но заболѣлъ ты, дорогой нашъ отецъ духовный,—и мы страдали душою за тебя, все время, однако же, надѣясь на твое выздоровленіе. Твой, сильный при жизни, организмъ давалъ намъ право надѣяться, что ты, съ Божіею помощью, преодолѣешь и на этотъ разъ свой старческій недугъ. Но по непреложному закону, общему для всего рода человѣческаго, Господу Богу угодно было взять тебя отъ насъ—и ты умеръ, т. е., перешелъ въ другую, вѣчную жизнь, для истинныхъ христіанъ, каковымъ несомнѣнно былъ и ты, полную разныхъ радостей духовныхъ и неизсякаемаго блаженства. Но окончательное воздаяніе по заслугамъ cadaго въ загробной жизни, какъ извѣстно, настанетъ лишь послѣ второго Страшнаго Пришествія Христова. Спи же пока покойно, не забвенный нашъ наставникъ и знай, что память о тебѣ будетъ вѣчно жить въ нашихъ юныхъ сердцахъ, а молитвы объ упокоеніи твоей души въ селеніяхъ праведныхъ никогда не прекратятся съ нашей стороны во исполненіе апостольской заповѣди: „Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе (Евр. 13,7)“.

Послѣ Кокульскаго ученикъ VII класса Леонидъ Бычковскій, сказалъ слѣдующее:

„Съ глубокимъ прискорбіемъ смотримъ мы на сіе печальное зрѣлище. Многочисленная толпа собралась проводить тѣло глубокоуважаемаго пастыря. Проживъ на свѣтѣ свыше полстолѣтія и испытавъ, подобно другимъ, многія превратности жизни, онъ до конца ея остался съ сильной непреклонной волей, направленной на осуществленіе добрыхъ началъ. До конца жизни онъ оставался съ чистой душой, до конца жизни былъ поборникомъ правды, особенно онъ успѣлъ въ просвѣтительной дѣятельности. Въ продолженіи многихъ лѣтъ онъ наставлялъ, писалъ, училъ и проповѣдывалъ. Въ продолженіи многихъ лѣтъ

онъ законоучительствовалъ въ нашей гимназіи и снискалъ среди воспитанниковъ ихъ неограниченное довѣріе и любовь. Его способъ преподаванія, его истинно отеческія къ намъ отношенія, заставляютъ насъ глубоко скорбѣть о его кончинѣ. Будемъ же молиться объ упокоеніи души о. Николая, да даруетъ ему Всеблагій Господь прощеніе всѣхъ его вольныхъ и невольныхъ прегрѣшеній“.

При пѣніи духовенствомъ „вѣчной памяти“ гробъ съ прахомъ почившаго былъ опущенъ въ могилу. Миръ праху о. протоіерея и вѣчная память его душѣ!

По окончаніи погребенія учениками II гимназіи была поднесена семейству покойнаго пріобрѣтенная ими икона святителя Николая Чудотворца. А преподавательскій персоналъ той же гимназіи въ память усопшаго пріобрѣлъ икону Алексія, митрополита Московскаго, которую также передалъ семьѣ покойнаго.

По Епархіи.

Посѣщеніе преосвященнымъ Гавріиломъ, епископомъ Острожскимъ, своей паствы, и торжество чина Православія въ кафедральномъ Острожскомъ соборѣ.

Нежданно Господь сподобилъ Острожанъ пережить день особой духовной радости; одинъ изъ тѣхъ дней, которые даютъ христіанину не только отраду въ молитвѣ, но и уму его много пищи въ познаніи христіанскихъ истинъ, а сердцу сладостную любовь къ родному православію, какъ единому исповѣданію неизмѣнно истинному, небесному и спасительному.

День этотъ—недѣля православія съ ея поучительнымъ чиномъ анаематствованія, при архіерейскомъ служеніи, всѣхъ отступниковъ отъ догматовъ православной церкви.

Службу въ этотъ день въ Острожскомъ соборѣ совершалъ преосвященный Гавріиль, епископъ Острожскій.

Преосвященный Гавріиль, какъ начальникъ пастырской школы, имѣетъ мѣстомъ своего постоянного пребыванія г. Житомиръ, но паства его—Острогъ и уѣздъ, а кафедра—древній мѣстный соборъ. Чувство этого духовнаго родства съ Острогомъ, той материнской любви и заботливости, которая мыслями никогда не оставляетъ своихъ дѣтей, сказалося во всей силѣ, къ нашей радости, при нынѣшнемъ посѣщеніи г. Острога преосвященнымъ Гавріиломъ. Не въ

моготу молодому Владыкѣ, полному силъ и энергіи, сталась эта долгая разлука со своей первой, родной паствой. И въ порывѣ вышаго духовнаго подъема, послѣ говѣнія первой седмицы поста, онъ разрываетъ узы обычнаго служебнаго дѣла, и спѣшитъ въ свой Острогъ къ родной паствѣ: спѣшитъ тѣснѣе сродниться съ нею, объединиться молитвою, и провозгласить здѣсь, въ соборѣ, на мѣстѣ подвиговъ за вѣру великихъ предковъ, торжество непобѣдимаго православія. Здѣсь, послѣ поученія и молитвы, Владыка громогласно провозглашаетъ *анаѳему* всѣмъ отступникамъ отъ православія, *вѣчную память* скончавшимся ея подвижникамъ и *многочліе* тѣмъ „христоименитымъ чадамъ, иже нынѣ утверждаютъ православіе“.

Владыка прибылъ въ Острогъ въ субботу первой седмицы великаго поста, 26 февраля, въ 1½ часа пополудни; остановился въ домѣ о. настоятеля собора. Всенощное бдѣніе, послѣ торжественной встрѣчи Владыки, началось въ 6 часовъ вечера. Передъ шестопсалміемъ однимъ изъ соборныхъ священниковъ прочтено было посланіе Святѣйшаго Синода о предстоящемъ прославленіи 4 сентября с. г. Іоасафа, епископа Бѣлгородскаго. Послѣ первой каѳизмы самъ Владыка въ душевной и простой рѣчи выяснялъ „предстоящій чинъ анаѳематствованія и значеніе дня торжества православія. Владыка убѣдительно говорилъ, что спасеніе возможно только въ лонѣ православной церкви и внѣ ея нѣтъ спасенія; что христіанство весьма тѣсно связано съ церковію, такъ что и христіаниномъ, по праву, можетъ называться лишь тотъ, кто неизмѣнно принадлежитъ къ православной церкви. Эта пастырская бесѣда, не смотря на продолжительность, была прослушана съ особымъ вниманіемъ, такъ какъ она открывала завѣсу новыхъ знаній въ христіанствѣ и отвѣчала запросамъ времени. Всенощная окончилась въ 11-мъ часу ночи.

Чинъ православія съ анаѳематствованіемъ являлся новинкой для Острога и по сему произвелъ здѣсь на молящихся особое впечатлѣніе и впечатлѣніе самое благопріятное. Во первыхъ, этотъ чинъ воочію убѣдилъ въ томъ, что анаѳематствованіе не есть проклятіе церковію всѣхъ несогласныхъ съ ея мнѣніями въ вѣроученіи, а только громогласное отлученіе отъ себя всѣхъ отступниковъ отъ догматовъ православной церкви, т. е. подтвержденіе того, что сами съ собою уже сдѣлали отступники, и то послѣ просительныхъ молитвъ о ихъ вразумленіи: „О еже просвѣтити мысли невѣріемъ помраченныхъ свѣтомъ своего богоразумія и сопричести ихъ ко избранному своему стаду“. Во вторыхъ, этотъ умиленный и весьма содержательный чинъ учитъ народъ, что нельзя легкомысленно относиться ко всякимъ вѣрованіямъ, такъ какъ

истина одна и исповѣданіе правое возможно только *одно*, и посему нужно быть твердымъ въ своей преданности церкви. Наконецъ, этотъ чинъ показываетъ, что христіанство не есть сумма отвлеченныхъ истинъ, а живая мать, которая, безмѣрно милуя своихъ дѣтей, караетъ ей непокорныхъ. Эта *личность* церкви, какъ живого организма, здѣсь особенно рельефно выдѣлялась. Такое пониманіе чина православія особенно яснымъ стало послѣ литургійной проповѣди Владыки.

На торжественный молебенъ съ чиномъ анаѳематствованія вышло во главѣ Владыки на средину храма 10 священниковъ и 4 діакона. Протодіаконъ торжественно трижды пропѣлъ на солеи, предъ образомъ Спасителя, — „Кто Богъ велій, яко Богъ нашъ; Ты еси Богъ творяй чудеса единъ“. Затѣмъ обратясь къ народу и громогласно засвидѣтельствовавъ особый промыселъ Божій „о возлюбленномъ Своемъ достояніи святой церкви“, протодіаконъ на распѣвъ прочелъ символъ православной вѣры. Чтеніе этого исповѣданія онъ закончилъ пѣніемъ стиха: „Сія вѣра апостольская, сія вѣра отеческая, сія вѣра православная, сія вѣра вселенную утверди“. И снова протодіаконъ при полной тишинѣ громогласно провозгласилъ: „Противящихся сей истинѣ, священному писанію послѣдующе и первенствующія церкви преданій держащесе, отлучаемъ и анаѳематствуемъ“. При этихъ словахъ невольно дрожь пробѣжала по тѣлу.

За симъ послѣдовало торжественное провозглашеніе 12 анаѳематствованій, съ пѣніемъ слова „анаѳема“ прежде духовенствомъ, затѣмъ хоромъ. Одно анаѳематствованіе было отъ Волынской паствы въ такихъ словахъ: „Отпавшимъ отъ православной христіанской вѣры въ латинство тремъ стамъ и седми, и въ лютеранство седми, и въ штунду тридесатимъ, и въ іудейство единому, анаѳема“ (за время отъ 5 марта 1910 г. по 25 февраля 1911 г. отпало на Волыни 345 человекъ). Торжество чина закончилось провозглашеніемъ вѣчной памяти всѣмъ поборникамъ православія, начиная отъ царей, великихъ князей и императоровъ греческихъ и русскихъ и кончая всѣми православными христіанами, скончавшимися въ исповѣданіи вѣры православной, а также многочисленными Государю Императору, Царствующему Дому, патріархамъ, епископамъ и народу православному. Во время богослуженія, которое окончилось около трехъ часовъ пополудни, соборъ былъ переполненъ молящимися.

Отдыхъ Владыки былъ крайне непродолжителенъ. Уже въ половинѣ шестого Владыка былъ въ Новомѣстскомъ храмѣ, а въ 7-мъ часу слушалъ вечерню въ соборѣ и затѣмъ служилъ молебенъ у св. раки Преподобнаго. При прикладованіи народа ко св. мощамъ, Владыка болѣе

часу поучаль въ истинахъ христовой вѣры. Поученіе чередовалось общимъ пѣніемъ обычныхъ молитвъ, по указанію Владыки: „Отче нашъ, Вѣрую, евангельскія блаженства“ и др.

Такъ „свято“—въ молитвенномъ подвигѣ и поученіяхъ проведенъ Острожанами день торжества Православія въ общеніи со своимъ Архипастыремъ.

Понедѣльникъ Владыка провелъ въ мужской гимназіи,—здѣсь онъ присутствовалъ на всѣхъ урокахъ, имѣлъ бесѣду съ преподавателями. Вторникъ Владыка пробылъ цѣлый день въ женскомъ гр. Блудова училищѣ и въ Кирилло-Меѳодіевскомъ Братствѣ. Въ полдень Владыка служилъ панихиду въ Братскомъ храмѣ по Императорѣ Александрѣ II, въ 30-ю годовщину мученической его смерти.

Въ среду Владыка былъ на утренней молитвѣ и на урокахъ въ соборной церковно-приходской школѣ; за симъ посѣтилъ городское двухклассное училище, гдѣ пробылъ до 3 часовъ пополудни. Въ 4 часа Владыка уѣхалъ на вокзалъ для слѣдованія въ Житомиръ.

Возблагодаримъ же Господа Бога тако изволившему о насъ, и посылающему своихъ Архипастырей, яко ангеловъ, для благовѣстія царствія Христова: „Покайтесь, приближитесь царствіе небесное“.

Острожская паства счастлива имѣть теперь своего Архипастыря. Но вмѣстѣ съ каедрой надлежитъ ей вопросъ и объ устройствѣ для Владыки дома въ Острогѣ, гдѣ бы онъ могъ свободно проживать лѣтомъ и въ зимніе праздники, во время не учебное въ пастырской школѣ. Жизнь Владыки въ Острогѣ, хотя мѣсяцами, принесла бы древнему граду съ его историческимъ соборомъ и многими сотнями учащихся несомнѣнную пользу.

Да поможетъ же Господь и въ этомъ.

Священникъ М. Тучемскій.

ПЕЧАТЬ.

На страницахъ многихъ „Епар. Вѣдомостей“ раздаются сѣтованія на паденіе монастырскаго авторитета и раскрываются причины этого печальнаго явленія, но рѣже указываются средства къ возвышенію вліянія пастыря на пасомыхъ, по сему считаемъ не лишнимъ познакомить въ извлеченіи читателей съ статьей о. Гр. Лебедева, напечатанной въ „Оренб. Епарх. Вѣдомостяхъ“.

Много говорилось и писалось о томъ, что пастыри церкви обособились, отделились отъ народа—своихъ пасомыхъ, нѣтъ между ними прежней близости, связи и проч., отсюда иросло, накопилось такъ много ненормальностей въ области церковно-приходской жизни, которая настоятельно требуетъ упорядоченія, полной реформы. Отчужденность и обособленность многіе понимаютъ односторонне и больше усматриваютъ въ нѣкоторыхъ внѣшнихъ культурныхъ улучшеніяхъ, какъ—одеждѣ, жилищѣ, обстановкѣ, образѣ жизни, привычкахъ и т. д., отсюда и близость, и связь толкуютъ въ томъ же превратномъ видѣ. Но при чемъ здѣсь внѣшность? Дѣло не во внѣшности, а во внутренней связи, въ сродствѣ душъ, сердечной близости, въ общемъ стремленіи въ дѣлѣ спасенія, въ непосредственномъ полномъ усвоеніи міровозрѣній, взглядовъ, понятій, словомъ, всего душевнаго уклада семейной и общественной жизни своихъ пасомыхъ и проч.; безъ знанія и усвоенія всего этого никакая форма не поможетъ. Вотъ эта-то область, эта сторона не изслѣдуется, не усвоится во всей своей подробности, ей мало удѣляютъ вниманія, о ней знаютъ въ общихъ чертахъ, поверхностно, а потому къ ней не прилагаютъ особаго сердца, между тѣмъ основательное знаніе этой области, непосредственное искренне сердечное участіе во всѣхъ ея отрасляхъ, ведетъ къ полному внутреннему сближенію и связи пастыря съ пасомыми, и имѣетъ весьма цѣнное и важное значеніе и вліяніе, какъ въ плодотворности пастырской дѣятельности, такъ и въ приобрѣтеніи пастырскаго авторитета, престижа.

Сфера пастырской дѣятельности настолько обширна, что подъ силу только великимъ людямъ, а потому она обычно сводится и замыкается въ извѣстныя рамки. Если совершаетъ священникъ истово и благоговѣнно богослуженія и при исполненіи требъ, даетъ наставленія при исповѣди и проч., ведетъ примѣрную трезвенную жизнь, то его считаютъ примѣрнымъ священникомъ, добре правящимъ свое стадо. Но вѣдь недостаточно быть примѣрнымъ священникомъ, нужно быть еще и пастыремъ-отцомъ..

Добрыя, близкія сердечныя отношенія пастыря-отца къ своимъ пасомымъ, чуждыя высокомерія и гордости, но полныя любви и добраго расположенія къ нимъ, при примѣрной службѣ, имѣютъ огромное значеніе и дѣйствіе въ сферѣ пастырской дѣятельности.

Помимо того, что они даютъ болѣе вѣрное и цѣлебное средство въ отношеніи исцѣленія больныхъ и недужныхъ и проч., черезъ нихъ устанавливается тѣсная внутрен-

няя связь, полная взаимнаго довѣрія и любви, ими же обусловливается и создается истинный престижъ и авторитетъ пастыря церкви, а не созданный искусственно: неприступностью, высокоуміемъ, страхомъ, начальнымъ тономъ.

Надъ этимъ нужно серьезно позадуматься теперь, ибо въ настоящее, неговоря уже про недавно минувшее, время только и слышишь о томъ, что авторитетъ пастыря церкви прогрессивно падаетъ, по мѣстамъ сошелъ на нѣтъ, такъ что нѣкоторымъ пастырямъ прихожане при встрѣчѣ перестали кланяться, т. е. удовлетворяютъ требованіямъ приличія самой обычной вѣжливости, а индѣ начали и дерзости говорить и оскорбленія наносить.

А при отправленіи и исполненіи обязанностей требъ такая поднимается свара изъ-за вознагражденія, что и всякій стойкій, уравновѣшенный характеръ становится въ тупикъ, отступаетъ назадъ. И пастырь церкви, котораго раньше слушали, безпрекословно повиновались, исполняли его слово, положительно теряется, останавливается въ недоумѣніи и смущеніи. И всю вину измѣнившагося порядка вещей сваливаетъ и всецѣло приписываетъ освободительному движенію и исключительно все объясняетъ своевременнымъ вѣяньемъ.

Безспорно, послѣднее сыграло очень важную роль въ данномъ отношеніи и дало сильный толчекъ въ этомъ направленіи. И особенно тѣмъ, гдѣ отношенія пастыря съ пасомыми были чисто внѣшенія, формальныя, сшитыя на живую нитку, разодрались, распались по всѣмъ швамъ. Однако нельзя сказать про тѣ мѣста—приходы, гдѣ у пастыря съ пасомыми установилась, тѣсная внутренняя связь. Тамъ даже въ самое жаркое время революціи отношенія къ пастырю не портились, оставались безъ всякаго измѣненія. Тогда какъ въ одномъ селѣ жизнь священника во всѣхъ отношеніяхъ становилась прямо нестерпимой, невыносимой, а въ другомъ—все, какъ говорится, обстояло благополучно. Но и здѣсь обычно объяснялось тѣмъ же освободительнымъ движеніемъ. Этотъ, молъ, батюшка красный, либераль, бѣлый или по меньшей мѣрѣ сочувствующій революціонному движенію, а потому его оставляютъ въ покоѣ, его не трогаютъ и отношеній къ нему не измѣняютъ, а этотъ черныи, реакціонеръ и проч., а потому онъ виноватъ во всемъ. Допустимъ, что это такъ. Но тогда почему же шестидесяти-семидесятилѣтніе старики священники и многіе другіе, которыхъ никоимъ образомъ невозможно было заподозрить въ какой-либо прикосновен-

ности къ освободительному движенію, или въ сочувствіи ихъ къ нему, продолжаютъ жить съ своими прихожанами въ хорошихъ и добрыхъ отношеніяхъ? Да кромѣ того вѣдь и раньше освободительнаго движенія, и въ давнія времена, и всегда, бывали случаи неудовольствій, раздоровъ между пастырями и прихожанами и гоненій на пастырей; освободительное движеніе дало только гораздо больше случаевъ въ этомъ отношеніи.

Такимъ образомъ нельзя все сваливать на освободительное движеніе и имъ всецѣло объяснять паденіе пастырскаго авторитета, престижа. Истинный авторитетъ не боится бурь, невзгодъ, онъ выдержитъ натискъ враждебной силы, а ложный—основанный на высокоуміи и гордости и проч., и при не большомъ вѣяніи вѣтерка падаетъ ницъ.

Высокоміе и гордость вообще отталкивающее дѣйствіе производятъ на всѣхъ и каждого, а на нашего простолюдина, въ большинствѣ всегда скрытнаго, недоувѣрчиваго, запуганнаго, боязливаго и тѣмъ паче.

Итакъ, если и всегда, то особенно въ настоящее время приходскому духовенству слѣдуетъ, за кѣмъ это имѣется, оставить спѣсь, высокоуміе, гордость, начальнической тонъ и обратить серьезное вниманіе на установленіе болѣе близкихъ сердечныхъ отношеній со своими пасомыми, хотя бы для исправленія тѣхъ поврежденій въ церковно религиозной области и вообще въ приходской жизни, кои нанесены освободительнымъ движеніемъ. Ибо только при внутренней близости, полномъ довѣріи со стороны пасомыхъ возможна плодотворная работа въ этомъ отношеніи.

Изъ обозрѣнія духовныхъ журналовъ.

Въ Январской книгѣ журнала „Чтенія въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія“ помѣщены слѣдующія статьи: „О Садлукеяхъ“—свящ. І. В. Арсеньева, „Московскій придворный Благовѣщенскій соборъ“—прот. Н. Д. Извѣкова, „Религіозно-нравственное состояніе деревни за послѣднія 5 лѣтъ“—свящ. Н. С. Лебедева, письма архіепископа Неофита (Кишиневскаго) къ А. А. Невскому.

Въ „Приложеніи“ печатается каталогъ книгъ Московской Епархіальной бібліотеки—отдѣлъ 2-й, Патрологія—книги на русскомъ и славянскомъ языкахъ. Кстати сказать, каталогъ печатается очень подробный, съ полнымъ перечисленіемъ каждого названія свято-отеческаго тво-

ренія, съ указаніемъ переводчиковъ книгъ (съ греческаго и латинскаго языковъ на русскій), даже съ помѣткою тѣхъ духовныхъ журналовъ, откуда берется извѣстное святоотеческое сочиненіе, т. е., гдѣ было въ первый разъ оно напечатано на русскомъ языкѣ.

Этотъ каталогъ можно поставить въ образецъ для составителей каталоговъ нашихъ церковныхъ—Епархіальныхъ, благочинническихъ и приходскихъ библиотекъ, въ которыхъ чаще всего совершенно нѣтъ никакихъ каталоговъ, а если гдѣ они и существуютъ, то, большею частью, составлены или небрежно и невнимательно, или безъ всякаго знанія дѣла... А, извѣстно, что въ порядочной библиотекѣ безъ хорошаго каталога невольно чувствуешь себя, какъ въ домѣ безъ хозяина—книги тебя не слушаются, не отыскиваются, или отыскиваются какія-нибудь совершенно ненужныя, случайныя!

Отсюда правило для всякаго священника—для своей церковной библиотекы нужно составлять каталогъ *подробный, умѣло, по образцу полныхъ*—напечатанныхъ лучшихъ каталоговъ.

Обращаясь къ статьямъ названной книжки журнала, мы встрѣчаемъ, какъ теперь обычно дѣлается всѣми нашими учено-богословскими журналами,—„продолженія“, начала, отрывки статей: полная и законченная статья въ этомъ № журнала—только одна („Религіозно-нравственное состояніе деревни“), а остальные всѣ—отрывки, незаконченныя статьи.

Остановимся сначала на законченной статьѣ, имѣющей, при томъ, и современный, животрепещущій интересъ.

Статья о деревнѣ (свящ. о. Н. С. Лебедева) написана очень живо, интересно, хорошимъ, почти разговорнымъ—яснымъ и образнымъ языкомъ, а потому читается съ большимъ интересомъ.

Авторъ этой статьи пишетъ про себя, что онъ много лѣтъ уже наблюдалъ духовную жизнь деревни: два года онъ былъ учителемъ и двадцать четыре года—священникомъ въ посадахъ Московской губерніи. Онъ сравниваетъ русскую деревню недавняго прошлаго и деревню современную, по своимъ личнымъ наблюденіямъ, и свои соображенія вездѣ строитъ на примѣрахъ жизни своего сельскаго прихода.

Въ прежней—до 1905 г.—русской деревнѣ всѣ селяне ходили въ церковь, за большой грѣхъ считали идти въ церковь, попивши чаю... А теперь большинство мужчинъ (въ приходѣ автора) въ праздники съ утра уходятъ въ чайныя, сидятъ за чаемъ и читаютъ газеты. Въ церкви бываетъ 40 старухъ и молодежь, пожелавшая похвастаться своими нарядами!

На измѣненіе нравовъ прихожанъ о. Лебедева повліяла фабрика. Напримѣръ, отношеніе крестьянъ къ постамъ замѣтно измѣнилось,

именно, подъ вліяніемъ сосѣднихъ фабричныхъ... Фабричные нарушаютъ посты и ссылаются при этомъ на трудность своей работы, при которой нужна, будто бы, только мясная пища! По мнѣнію ихъ, поститься должны только одни монахи. Эти же самыя разсужденія противъ постовъ перешли теперь съ фабрики къ народу.

Отношеніе къ священнику въ новой деревнѣ измѣнилось до послѣдней степени: съ священникомъ сталкиваются только при требовахъ и при томъ исключительно почти на почвѣ денежныхъ разчетовъ... Добраго священника стараются эксплуатировать и обманывать, а требовательному или просто аккуратному священнику заявляютъ: „мы не обязаны тебѣ давать то-то и то!“

Бороться съ одичаніемъ деревни, по мысли автора, можно только тогда, когда приходскому священнику будетъ дана широкая возможность устраивать различныя приходскіе союзы, Братства, общества; когда можно будетъ ему самостоятельно объединять прихожанъ въ дружныя сообщества трезвости и нравственной строгости.

Очень оригинальны письма архіепископа Неофита къ его другу—смотрителю Духовнаго Училища. Видно особенно нѣжное, любящее сердце архіепископа: въ письмахъ то и дѣло мелькаютъ обращенія—„мой сизый голубчикъ“, „незабвенный и неизмѣнный другъ и братъ“ и т. п. Письма очень характерны для сравненія недавняго прошлаго и нашего времени: въ 1882 г., когда писались онѣ, чай, напр., былъ такою рѣдкостью, что его приходилось архіепископу—выписывать; спать ложился архіепископъ въ 8 часовъ вечера, а вставалъ въ 4 часа у.—къ утрени!

С.

Извѣстія и замѣтки.

Новый семинарско-училищный уставъ.

Учебная часть.

Въ послѣднихъ №№ журнала „Церковный Вѣстникъ“ помѣщены обстоятельныя свѣдѣнія о предлагаемой реформѣ духовныхъ семинарій и училищъ. Такъ какъ вопросъ о реформѣ нашей духовной школы является вопросомъ, представляющимъ въ настоящее время общій и жгучій интересъ, то считаемъ нужнымъ познакомить въ извлеченіяхъ читателей нашего епархіальнаго органа съ содержаніемъ этихъ статей академическаго журнала.

Въ частности административной проектъ новаго устава не дѣлаетъ какихъ-либо существенныхъ измѣненій сравнительно съ дѣйствующимъ доселѣ школьнымъ законодательствомъ.

Въ частности учебной выработанный Учебнымъ Комитетомъ проектъ семинарско-училищнаго устава имѣетъ много отличій по сравненію съ уставомъ дѣйствующимъ. Однимъ изъ самыхъ существенныхъ нареканий на духовную школу въ послѣднее время сдѣлалось то, что школа эта учитъ совсѣмъ плохо. По отношенію къ общему образованію этотъ упрекъ раздавался давно и вызвалъ уже нѣкоторыя временныя измѣненія въ учебномъ курсѣ. Но при болѣе внимательномъ и требовательномъ взглядѣ оказалось, что и богословскій элементъ духовно-школьнаго обученія поставленъ не совсѣмъ удовлетворительно, что замѣтили и самые школьные дѣятели. Нѣкоторые богословскіе предметы существуютъ доселѣ въ видѣ, можно сказать, архаическомъ, совершенно не удовлетворяя практическимъ задачамъ обученія; другіе отстали отъ требованій современной жизни. Проектъ новаго устава дѣлаетъ радикальный пересмотръ учебнаго курса и старается исправить всѣ замѣченные недостатки.

Въ духовномъ училищѣ предметами богословскаго образованія остаются попрежнему св. исторія и катихизисъ съ богослуженіемъ. На всѣ эти предметы отводится также 12 уроковъ. Однако, ихъ постановка нѣсколько повышается. Дѣло въ томъ, что отъ поступающихъ въ училище уставъ предполагаетъ требовать большихъ свѣдѣній, чѣмъ было доселѣ; между прочимъ по св. исторіи требуются познанія въ объемѣ курса одноклассной начальной школы. Это даетъ возможность, при тѣхъ же 6-ти урокахъ св. исторію въ училищѣ изучать основательнѣе, обратившись къ знакомству и съ самыми св. книгами—источниками св. повѣствованій. Ученіе о богослуженіи проектъ нѣсколько суживаетъ, назначая на него вмѣсто трехъ два урока и предполагая лишь задачу ознакомленія учениковъ съ самымъ порядкомъ совершенія церковныхъ службъ, подробное же ихъ изъясненіе оставляя на долю семинаріи. Зато на катихизисъ, какъ болѣе трудный предметъ, назначается 4 урока. Такое измѣненіе представляется вполне цѣлесообразнымъ, такъ какъ дѣйствительно литургическія тонкости для питомцевъ училища излишни, а катихизисъ, какъ основа христіанскаго вѣроученія, долженъ быть усвоенъ сознательно и твердо.

Въ семинарскомъ курсѣ богословскіе предметы подвергаются уже болѣе существенному измѣненію. Св. Писаніе по количесву уроковъ и распредѣленію остается въ прежнемъ видѣ; но его постановка предполагается иная. До сихъ поръ, какъ извѣстно, въ семинаріяхъ изучали не столько самыя св. книги, сколько учебникъ, съ его „предварительными“ свѣдѣніями и толкованіями.

Въ результатъ такой системы получается, что воспитанники не только не знакомы со всѣмъ свящ. текстомъ, но даже и съ наиболѣе важными книгами они знакомы отрывочно, эпизодически. Проектъ устава настойчиво указываетъ, что такая постановка неправильна и что надо изучать самый св. текстъ, а исагогическія свѣдѣнія слѣдуетъ сообщать въ краткихъ чертахъ, относя знакомство съ разными отрицательными ученіями къ курсу высшей школы... Положеніе догматическаго богословія въ семинарскомъ курсѣ остается прежнимъ; но его программа расширяется. Во-первыхъ, теперь требуется изученіе исторіи догматовъ, какъ восполненіе свѣдѣній церковно-историческихъ. Затѣмъ, въ семинаріи упраздняется, какъ особый предметъ, обличительное богословіе, и разборъ вѣроисповѣдныхъ разностей присоединяется къ богословію догматическому. Перестановка—вполнѣ отвѣчающая существу дѣла, потому что отъ нея выигрываетъ и догматическое богословіе и обличительное. Догматы православной церкви представляются значительно отчетливѣе и выпуклѣе при сравнительномъ сопоставленіи съ вѣроисповѣдными разностями; а полемика-критическія замѣчанія становятся гораздо основательнѣе и понятнѣе рядомъ съ положительнымъ ученіемъ прав.-церкви и исторіей его развитія. Къ двумъ урокамъ нравственнаго богословія проектъ прибавляетъ еще два. Дѣлается это въ виду того, что на урокахъ нравственнаго богословія предполагается недавно введенное „обличеніе социализма“, а также и потому, что съ нравственнымъ богословіемъ соединятся пастырское, доселѣ входившее въ составъ „практическаго руководства для пастырей“. Такое соединеніе опять вполне нормально, особенно если принять во вниманіе отмѣчаемое ниже видоизмѣненіе того искусственнаго конгломерата, какой представляетъ упомянутое „практическое руководство“. На основное богословіе прибавляется одинъ урокъ и наука эта передвигается въ третій классъ, съ тою цѣлью, чтобы дать воспитанникамъ возможность познакомиться съ положительною истиною христіанства прежде, чѣмъ они приступятъ къ изученію разныхъ отрицательныхъ философскихъ ученій. — Церковная исторія, при 12 урокахъ, распределяется равномерно по всѣмъ классамъ семинаріи, а самый курсъ ея увеличивается патрологическимъ элементомъ въ видѣ знакомства съ самыми твореніями св. отцовъ. Эта перемѣна въ распланировку данной науки весьма существенная и представляетъ, какъ уже неоднократно отмѣчалось въ печати, весьма сомнительную выгоду. Но проектъ устава силится защитить свое нововведеніе, ссылаясь на то, что догматическія тонкости можно въ первыхъ классахъ обходить, оставляя ихъ до догматическаго богословія, и оправдывая себя желаніемъ сообщить богословскій характеръ всему семинарскому курсу, при

чемъ изъ богословскихъ предметовъ, кромѣ св. Писанія, допускаетъ возможность опущенія до низшихъ классовъ единственно церковная исторія. Насколько оправдывается въ данномъ случаѣ оптимизмъ авторовъ проекта, покажетъ будущее; но педагогическая среда, видимо, его не раздѣляетъ. — На литургику проектъ полагаетъ четыре урока вмѣсто трехъ, въ виду того, что къ литургикѣ присоединяется новый предметъ—церковная археологія и сюда же концентрируются литургическія свѣдѣнія изъ „практическаго руководства для пастырей“. — Не малую заслугу проекта новаго устава составляетъ то, что онъ радикально реформируетъ пресловутую семинарскую „гомилетику“. Самое неудобопонятное названіе это упраздняется и замѣняется „церковнымъ проповѣдничествомъ“. Главное же—совершенно измѣняется характеръ преподаванія этого предмета. Теорія проповѣди исключается, а все вниманіе устремляется на практическую подготовку къ проповѣданію, состоящую въ разборѣ и изученіи образцовыхъ проповѣдей и составленіи и произношеніи собственныхъ. Между прочимъ, уставъ требуетъ, чтобы обращено было вниманіе и на произношеніе—декламацию. Все это перемѣны, которыя слѣдовало бы сдѣлать давно.—Столь же цѣлесообразно и превращеніе такъ называемаго „практическаго руководства для пастырей“ въ церковную канонику. Пестрая наука практ. руков., составленная изъ разныхъ элементовъ, влачила въ семинаріи жалкое существованіе. Единственно цѣннымъ въ ней былъ элементъ канонической, но онъ былъ поставленъ совсѣмъ слабо и не жизненно. Между тѣмъ элементарное церковно-юридическое образованіе пастырю необходимо не менѣе знанія богословія. Новый проектъ устава восполняетъ этотъ недостатокъ, выдѣливъ изъ практ. руков. пастырское богословіе и литургическій элементъ и оставивъ только элементъ канонической, конечно уже въ болѣе широкой постановкѣ, при трехъ урокахъ въ недѣлю.—На исторію и обличеніе раскола и сектантства оставлено 7 уроковъ, хотя курсъ прежней кафедры и сократился съ выдѣленіемъ обличительнаго богословія, чтобы дать возможность основательнѣе поставить преподаваніе этого предмета, столь важнаго въ настоящее время.—На церковное пѣніе прибавлено по одному уроку въ училищѣ и семинаріи.

Такимъ образомъ, проектъ устава значительно усиливаетъ богословскій курсъ духовной школы и старается дать ему наиболѣе цѣлесообразную постановку, приспособительно къ требованіямъ педагогическимъ и практическимъ задачамъ пастырскаго служенія. Свою задачу проектъ здѣсь выполняетъ въ общемъ удовлетворительно, если не считать распланировки церковной исторіи, въ рациональности каковой могутъ быть справедливыя сомнѣнія.

Но, повышая курсъ богословскій, проектъ устава не уменьшаетъ, а также увеличиваетъ и курсъ общеобразовательный, выходя изъ того справедливаго предположенія, что съ одной стороны, для служителей церкви необходимо широкое общее образованіе, съ другой—надобно дать выходъ въ свѣтскія высшія учебныя заведенія той части духовнаго юношества, которая не чувствуетъ въ себѣ призванія къ пастырскому служенію. Потому уставъ стремится поставить общее образованіе настолько широко, чтобы по возможности курсъ духовной школы равнялся курсу гимназій. Въ частности, усиливается преподаваніе русскаго языка въ училищахъ тѣмъ, что отъ поступающихъ въ училище требуются повышенныя знанія, такъ что при тѣхъ же 19 урокахъ училищное изученіе должно быть основательнѣе. На словесность въ семинаріи прибавляется 3 урока и въ курсъ ея включается исторія иностранной литературы и русскаго языка новѣйшей до Чехова включительно. Число уроковъ по гражданской исторіи въ семинаріи увеличивается на 3, при 4 урокахъ эпизодическаго курса въ духовномъ училищѣ. Въ преподаваніи философіи вводится немаловажная перемѣна. Исторія философіи и „начальныя основанія“, которыя вмѣстѣ на практикѣ никакъ не могли умѣститься доселѣ, что заставляло ограничиваться или однимъ предметомъ, или частями обоихъ, теперь соединяются (впрочемъ, въ пожеланіи) въ одну дисциплину—историко-критическій обзоръ философскихъ направленій. Такое видоизмѣненіе, несомнѣнно, должно сдѣлать болѣе интереснымъ и сознательнымъ усвоеніемъ философіи, смягчивъ, съ одной стороны, прежнюю сухость исторіи философіи, а съ другой—отвлеченность такъ называемыхъ „начальныхъ основаній“. По математикѣ прибавляется 1 урокъ въ училищѣ и 3 въ семинаріи. При этомъ въ виду того, что отъ поступающихъ въ училище предполагается требовать уже знаніе четырехъ дѣйствій ариѳметики надъ цѣлыми и отвлеченными числами, курсъ ариѳметики въ училищѣ заканчивается въ третьемъ классѣ, а въ четвертомъ классѣ, при 3 урокахъ, начинается изученіе алгебры и геометріи. Въ семинаріи проходитъ алгебра, геометрія и тригонометрія въ объемъ первыхъ шести классовъ гимназій и реальныхъ училищъ, при чемъ требуется обратить вниманіе на практическія упражненія. Природовѣдѣніе въ училищѣ оставляется въ прежнемъ видѣ. Но число уроковъ физики въ семинаріи доводится до 8 и изучать ее полагается уже съ отдѣломъ химіи, доселѣ непроходимымъ. На географію прибавленъ одинъ урокъ. Въ пятомъ классѣ семинаріи положено преподавать космографію, и особенно въ отдѣлѣ физической географіи съ ея геологическими свѣдѣніями, важными для богословскихъ цѣлей. Дидактика остается въ существующемъ видѣ. Гигіена съ медициной (V и VI кл. сем.), при 4 ур ,

дѣлаются предметами обязательными. Древніе языки оставлены при тѣхъ 20 урокахъ каждый (по 10 въ учил. и сем.), какіе они теперь имѣютъ, послѣ недавняго сокращенія, и цѣлю ихъ ставится не столько филологическое изученіе языка, сколько практическое умѣніе читать и понимать древнихъ авторовъ. Новые языки (фран. и нѣм.) вводятся въ училища при 9 урокахъ, а въ семинаріи получаютъ по 10 часовъ и дѣлаются обязательными (одинъ по выбору). По образцу гимназій, въ духовныхъ училищахъ вводится даже рисованіе.

Такая постановка общеобразовательныхъ предметовъ въ значительной степени приближаетъ духовную школу къ свѣтской. Проектируемый училищно-семинарскій курсъ только со стороны филологическаго и математическаго образованія нѣсколько уступаетъ гимназическому; но зато даетъ солидное образованіе философское. Питомцы будущей семинаріи, повидимому, должны дѣйствительно быть людьми достаточно образованными и въ то же время безъ особаго труда получать доступъ въ высшія свѣтскія школы, къ чему уставъ и стремится.

XX

При семъ № прилагается для расклейки при Церк-
вахъ Волынской епархіи „Архипастырское Настав-
леніе Причастникамъ“.

XX

Печатать дозволяется: Цензоръ

Архимандритъ Серафимъ.

Редакторъ неофициальной части

Свящ. Ө. Казанскій.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Заводъ Колокольный Юлія Алексѣевича Островскаго
Въ м. Черномъ-Островѣ, Подольской губерніи.

Принимаетъ заказы на изготовленіе церковныхъ колоколовъ, которые отли-
ваетъ съ сильнѣйшимъ приятнымъ звукомъ и переливается разбитые, цѣны назначаетъ
ниже цѣны другихъ заводоу, въ платенъ допускаетъ сроки, за прочность
колоколовъ выдаетъ долговѣстнее ручательство и провозъ тановыхъ по желѣз-
нымъ дорогамъ принимаетъ на свой счетъ.

Съ заказами и справками обращаться печ. ст. Черный Островъ Подольской губ.
въ колокольный заводъ Ю. А. ОСТРОВСКАГО.

За высокое качество и хорошую отливку колоколовъ фирма удостоена высшихъ наградъ.

СОДЕРЖАНІЕ НОМЕРА.

- I. Часть официальная. II. Часть неофициальная: 1) Архипастырское воззваніе ко
всѣмъ православнымъ жителямъ Житомира. 2) Правда о денежномъ довольствіи мона-
шествующихъ лицъ въ старину и нынѣ. 3) Трудъ, его необходимость и значеніе, съ
христіанской точки зрѣнія. 4) Отклики. 5) Хроника. 6) По епархіи. 7) Печать. 8) Изъ
обозрѣнія духовныхъ журналовъ. 9) Извѣстія и замѣтки. 10) Объявленіе.